

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 3
volume 3**

**Центр
"Петербургское Востоковедение"**

**Санкт-Петербург
1993**

Японский литературный памятник X века

"Повесть о дупле"

В. И. Сисаури

(Париж)

I

"Повесть о дупле" (Уцухо-моногатари) принадлежит к числу интереснейших произведений японской литературы эпохи Хэйан (794-1185). Автор её неизвестен. Считается, что создание её относится ко второй половине X века. Она упомянута в "Записках у изголовья" (Макура-но соси). Сэй Сёнагон и в "Повести о Гэндзи" (Гэндзи-моногатари) Мурасаки Сикибу. "Повести" предшествовали такие произведения японской прозы, как "Повесть о Такэтори" (Такэтори-моногатари) и "Повесть об Исэ" (Исэ-моногатари). Приблизительно в одно время с ней были созданы "Повесть о Ямато" (Ямато-моногатари) и "Повесть об Отикубо" (Отикубо-моногатари).

В истории японской литературы "Повесть о дупле" занимает совершенно особое место. Если "Такэтори" и "Отикубо", произведения небольшого объёма с ограниченным числом персонажей, тесно связаны с фольклором, "Исэ" и "Ямато" представляют собой цепь стихотворений с прозаическим комментарием, в большинстве случаев весьма кратким, то "Повесть о дупле" можно с полным основанием сравнить с романом. Это произведение крупной формы в двадцати главах, из произведений хэйанской литературы уступающее по объёму только "Повести о Гэндзи." Сюжет "Повести о дупле" очень развит. Многие из персонажей чрезвычайно индивидуализированы. Психологический анализ часто необычайно глубок. Стиль "Повести", однако, очень неровен. Некоторые фрагменты очень близки к стилю *камбун* (литературы на китайском языке). Это произведение несомненно влияло на создание "Повести о Гэндзи", но в целом эти два произведения представляют собой два различных мира. Сравнение их с точки зрения стиля, тонкости портретов, описания природы не в пользу "Повести о дупле", но по

яркости характеров, разнообразия ситуаций, по глубине общего замысла "Повесть" значительно превосходит "Гэндзи".

Перед нами произведение философско-религиозного характера, проповедующее истинность буддийского учения. Сюжет "Повести" близок к буддийской житийной литературе: это жизнь бодхисаттвы, возрождённого в Японии, чтобы указать людям Путь спасения. Оригинальность сюжета заключается в том, что бодхисаттва возрождается, однако, не в образе отшельника или священника, но в образе Накатада, сына Фудзивара-но Канэмаса, принадлежащего к самой верхушке хэйанского общества.

Сюжет "Повести" довольно сложен. Она начинается с истории деда героя, Киёвара-но Тосикагэ, и его путешествия на Запад. Попав в страну небожителей, Тосикагэ получает тридцать кото, сделанных из волшебного дерева. Два из них обладают исключительными магическими свойствами: от их звучания рушатся горы, приходят в движение звезды. У небожителей Тосикагэ обучается райской музыке Чистой земли. Возвратившись в Японию, Тосикагэ передаёт свое искусство дочери, а она - своему сыну, Накатада.

В то время в столице проживает важный сановник, Минамото-но Масаёри. Он женат на дочери великого министра и на принцессе. Семья его огромна, сыновья занимают важные должности, старшая дочь - жена императора Судзюку. По всей столице гремит слава о красоте его девятой дочери, Атэмия, и многие аристократы добиваются её руки. Все их усилия, однако, остаются безуспешными.

Однажды император организует соревнование между Накатада и его другом Судзуси, также известным музыкантом. Канэмаса, желая успеха сыну, уговаривает жену дать ему одно из двух волшебных кото. Как только Накатада начинает играть на нём, происходит чудо: на землю спускаются небожители и танцуют под звуки музыки. Император отдаёт Накатада в жены свою дочь, и у них рождается дочь Инумия.

Масаёри же удается выдать Атэмия за наследного принца, который вскоре становится императором. У Атэмия рождается три сына, но другая супруга императора, дочь Канэмаса, тоже рождает мальчика. Все с нетерпением ожидают, кого император назначит наследным принцем. В какой-то момент Масаёри теряет всякую надежду и уже готов удалиться от мира, но император останавливает свой выбор на сыне Атэмия. Масаёри достигает вершины карьеры, а Атэмия становится матерью будущего императора.

Накатада обучает свою дочь игре на кото. Он строит для этого башню, вход куда запрещен для всех, кроме него и его матери,

которые обучают девочку музыке. В день выхода Инумия из башни семья даёт концерт, на котором присутствуют экс-императоры Сага и Судзяку, Атэмия, вся знать столицы. Описанием чудес, сопровождающих исполнение музыки, завершается роман.

II

В японском литературоведении композиция "Повести" рассматривается как состоящая из двух линий: первая - история Тосикагэ и Накатада, связанная с музыкой буддийского рая, вторая - история Масаёри, Атэмия и связанные с ней эпизоды, посвящённые претендентам на руку красавицы. Считается, что эти линии в значительной степени изолированы друг от друга и сочетание их в "Повести" механическое. Более того, нет единой точки зрения, какую из двух тем считать основной в романе. Коно Тама считает, что музыкальная тема является главной, а линия Атэмия и влюбленных в неё занимает подчинённое положение¹. Исикава Тору утверждает, что главным героем произведения является Накатада, а не Атэмия². По мнению Такэхара Такао, история Атэмия является центральной в романе³.

Нам кажется, что японские литературоведы не придают большого значения тому, что Накатада является бодхисаттвой и что роман развивается как история его подвига. Эта тема заявлена в самом начале первой главы: Будда объявляет Тосикагэ, что один из семи учителей музыки должен возродиться в образе его внука. Несколько раз автор повторяет, что Накатада - бодхисаттва. Было бы неверно считать "Повесть о дупле" волшебной сказкой, несмотря на чудеса, связанные с путешествием Тосикагэ на Запад и с исполнением музыки⁴. Это дидактическое произведение религиозно-философского характера. Буддийские элементы играют большую роль в построении повести. Тосикагэ получил образ человека за то, что верно служил подвижнику. Небесная женщина, которая открывает Тосикагэ его судьбу, и семь её сыновей суть буддийские божества, вынужденные покинуть небеса вследствие проступков. Буря, которая обрушивается на японские корабли, является лишь одним из элементов замысла Будды: Небесная женщина уже посадила дерево павлонии, ветку которого должны срубить *ашуры*, она и семь её сыновей уже изгнаны с небес и ожидают появления Тосикагэ, чтобы обучить его музыке во искупление своих прегрешений. Всё это должно привести к выполнению решения Будды: благодаря То-

сикагэ музыка буддийского рая должна стать известной в Японии. Музыка, как она представлена в "Повести", имеет буддийский характер. Это музыка буддийского рая, которая ведет к Прозрению. Нельзя рассматривать музыку в романе в плане эстетическом: музыкальная тема полностью подчинена теме деяний бодхисаттвы. Тосикагэ и Накатада явились в мир, чтобы указать японцам Путь к спасению. Если мы рассмотрим роман с этой точки зрения, его концепция предстанет ясной, даже схематичной: автор противопоставляет мир Будды и земной мир желаний, показывает незыблемость первого и эфемерность второго. И действительно, как пишет Коно Тама, вся слава Масаёри и Атэмия исчезает, как роса, когда семья Накатада исполняет священную музыку⁵. Слушая игру Инумия, Атэмия, мать будущего императора, достигая вершины земных почестей, испытывает зависть к жене Накатада, которая родила девочку⁶. С этой точки зрения нет никакого противоречия между темой бодхисаттвы и темой Атэмия; последняя символизирует тщетность человеческих усилий для достижения земных благ, идет ли речь о попытках женихов добиться руки Атэмия или о честолюбивых замыслах Масаёри, достигающего вершины власти благодаря замужеству дочери и рождению внука. Эти две темы представляют собой две стороны одной и той же концепции, лежащей в основе романа. В хэйанской литературе нет произведения, где замысел и композиция были бы столь сложными. По сравнению с "Повестью о дупле" знаменитая "Повесть о Гэндзи" отличается гораздо большей простотой: развитие сюжета в ней основано на биографическом принципе и исключительно линейно, от рождения до смерти героя.

Сама музыка в романе является выражением буддийского учения. В предпоследней главе Накатада в связи с обучением дочери излагает основы игры на кото. Инумия должна быть помещена в уединённую башню, не видеть никого, кроме отца и бабки, которые будут обучать её музыке, чтобы ничто не отвлекало её от овладения мастерством. Девочка должна выучить различные произведения и научиться сочетать музыку с разнообразными явлениями природы. Накатада говорит:

"Весной проникать мыслью в пение соловья в туманной дымке, в ароматы цветов. В начале лета думать о крике кукушки поздней ночью, о блеске утренней зари, о роще звёзд, сияющих на небе. Осенью думать о дожде, о яркой луне в небесах, о голосах насекомых, стрекочущих как им вздумается, о шуме ветра, о небе, виднеющемся сквозь покрытые багряными листьями ветви клена. Зимой - об изменчивых облаках, о птицах и зверях; глядя при блес-

ке утра на покрытый снегом сад, представлять высокие горные пики, ощущать течение воды в глубине чистых прудов. Глубоко чувствующим сердцем и высокой мыслью объять самые разнообразные вещи. Следя за их изменениями, познать изменчивость всего сущего. Задуматься, как выразить всё это в звуках кото. И таким образом совпасть в звуках кото с тысячью вещей"⁷.

Мы видим, что обучение подчинено задаче выражения в музыке идеи изменчивости всего сущего, т. е. основной буддийской идеи.

Буддийский характер музыки отчётливо проявляется и в самом конце романа, в описании исполнения музыки Накатада, его матерью и дочерью. Когда мать заиграла на волшебном кото, "посыпался град, на небе неожиданно показались облака и звёзды сдвинулись. Но небо не было страшным, облака были удивительными. Все присутствующие, укрывшиеся от жары под навесом и страдавшие от тесноты и недостатка воздуха, сразу же почувствовали прохладу. На душе у них стало легко, жизнь представилась им бесконечной. Казалось, в звуках музыки было сосредоточено всё благоденствие, которое могло быть на свете. Характер произведения, однако, изменился, звуки стали гораздо более чистыми, и грусть охватила присутствующих. Загрохотал гром, земля содрогнулась. Музыку можно было слышать далеко вокруг, в горах и лесах. Звуки становились всё более скорбными, и все, кто внимал им, вдруг осознали, что нет ничего постоянного в мире, и залились горькими слезами"⁸.

Музыка достигает императорского дворца. Слушая её, император погружается в глубокую скорбь. Он размышляет о превращениях всего сущего, и слезы катятся по его щекам⁹.

Эти эпизоды составляют философский итог романа. Музыка выступает подобием проповеди, наглядно являя идею непрочности земного существования. Эта концепция музыки не является собственно японской, она распространилась в Японии вместе с буддийским учением. В сутрах, описывающих рай Чистой земли, говорится, что музыка звучит там постоянно. Источником музыки являются не только музыкальные инструменты, которые звучат в небе сами по себе, но также реки, волны которых источают сладкий аромат и прекрасные звуки. Источником её является и дерево Прозрения, звучание которого разносится ветром до бесконечных миров. (В этом образе можно усмотреть аналогию с деревом павлонии в "Повести"). Небесные птицы поют в Чистой земле три раза днем и три раза ночью. Источником музыки являются пальмы и ряды ко-

локолов. Все эти звуки указывают Путь, который ведет к Прозрению, и внимающие им думают о Будде, о Законе и об Общине ¹⁰.

Буддийский характер подчеркивают в романе и условия обучения музыке. Здесь автор использует элементы житийной литературы. Никто из семьи Тосикагэ не уходит в монашество, но и сам Тосикагэ, и дочь его, и Накатада, и Инумия, - все проходят период затворничества, в течение которого они изучают музыку. Тосикагэ обучается музыке в неизвестной стране, где он не видит никого, кроме своих учителей. Чтобы передать свое искусство дочери, он поселяется в большом доме в малонаселенной части столицы. Накатада изучает музыку в лесу, живя с матерью в дупле. Когда Накатада решает учить музыке свою дочь, он специально строит башню, где девочка живёт в одиночестве, не видя никого, кроме своих учителей. В течение этого периода герои строго соблюдают пост. Тосикагэ питается росой с цветов и с листьев клёна. Живя в лесу, его дочь и Накатада едят только фрукты и корни растений.

III

Буддийское понимание музыки не исчерпывает, однако, всей сложности музыкальной концепции романа. Автор не мог пройти мимо чрезвычайно разработанной философии музыки, проникшей из Китая, которая в истоках своих связана с именем Конфуция и является одним из краеугольных камней конфуцианства. За несколько веков развития музыкальные концепции раннего конфуцианства обогатились за счет многочисленных заимствований древних мифов и легенд (которые со временем составили ядро даосской литературы) и символов натурфилософии.

Для конфуцианцев музыка была средством управлять народом. Конфуцианское учение о музыке основано на двух главных положениях. С одной стороны, музыка рассматривается как проявление человеческих эмоций: когда человек испытывает грусть, радость, гнев, он неминуемо выражает их в звуках. Но неконтролируемые эмоции ведут к беспорядкам. С другой стороны, человек не обладает никакими врождёнными чувствами: чувства формируются от контакта с внешними предметами и в соответствии с их характером. Целью конфуцианства было создание "правильных" эмоций народа. Для этого необходимо создать "правильные" образцы, от которых зависят эти эмоции. Этими образцами являются церемонии и музыка. Если непосредственные эмоции ведут к беспорядкам, то

правильные принципы образуют возвышенную музыку (*яюэ*), которая в свою очередь формирует правильные эмоции.

Техническую основу возвышенной музыки составила акустическая модель *люйлюй* (двенадцать звучащих трубок, настроенных по чистым квартам и квинтам). Вместе с системами семи светил (Солнце, Луна, Пять планет), двадцати восьми зодиакальных созвездий и календарем двенадцать трубок являлись выражением отношений Неба и Земли, Пяти элементов (земля, вода, огонь, металл, дерево) и восьми направлений (теория ветров, дующих с восьми главных направлений, т. е. частей света)¹¹. Создание *люйлюй* не имело первоначально никакой музыкальной цели. Первая трубка *люйлюй* служила мерой в различных системах длины, объёма и веса. Образовав систему, двенадцать трубок стали символом двенадцати месяцев и были разделены на две группы, представляющие космические силы *инь* и *ян*. Гаммы в пять ступеней, которые были образованы пятью последовательно взятыми звуками *люйлюй*, символизировали Пять планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн), Пять элементов, Пять цветов (жёлтый, красный, синий, белый и черный), Пять частей света (центр, север, юг, запад и восток).

Для иллюстрации своих положений о влиянии музыки на живые существа конфуцианцы прибегали к древним мифам и легендам. Эти легенды, связанные с архаической системой мышления, содержали многочисленные примеры магической власти музыки. Например, Хуба, легендарный музыкант, играя на цине, заставлял танцевать птиц и прыгать из воды рыб¹². На звуки напевов, исполняемых Юем, являлись удивительные твари и фениксы¹³. Когда Куй, министр легендарного императора Шуня, играл на инструментах, являлись духи предков, птицы поднимались в воздух и звери танцевали¹⁴. В подобных легендах конфуцианцы видели подтверждение своей концепции музыки. Так, цитируя в "Истории династии Хань" (Хань шу) отрывок из "Книги Истории" (Шу цзин), в котором рассказывается, как при ударах камня о камень (т. е. звуках литофона) звери принялись танцевать, автор вопрошает: "Если так реагируют звери, что же сказать о людях?"¹⁵.

Существовали легенды и о влиянии музыки на природу: исполнение музыки могло нарушить естественную смену времён года, привести к потеплению климата или стихийным бедствиям. В книге "О нравах и обычаях" (Фэн су тун и) рассказывается об исполнении Ши Куаном ноты *цзюэ*¹⁶: он коснулся струны, и с северо-запада надвинулись облака; он коснулся струны, во второй раз, и поднялся страшный ветер, хлынул дождь, занавес в помещении

разорвался, треснули священные сосуды, с крыши посыпалась черепица. В царстве Цзинь наступила засуха, и на земле ничего не произрастало в течение трёх лет¹⁷.

Символическая интерпретация музыкальных элементов в свете натурфилософских систем позволила в значительной степени модернизировать древние легенды и аргументировать связь между причиной и следствием явлений. Например, к наступлению весны ведёт исполнение не просто музыки, но нот, символизирующих весенние месяцы, и т.д.:

"Если весной настроить струну *гун*¹⁸ в лад осени, то вся трава неминуемо завянет; если осенью настроить гун в лад весны, то все растения неминуемо расцветут; если летом настроить гун в лад зимы, неминуемо польёт дождь; если зимой настроить гун в лад лета, неминуемо грянет гром"¹⁹.

Описание чудодейственной игры Ши Вэня из царства Чжэн, содержащееся в "Ле-цзы", основано на ещё более детальном соответствии между музыкой и календарем:

"Была весна, но он взял ноту *наньлюй*²⁰ на струне *шан*²¹, и подул свежий ветер, созрели фрукты на деревьях и семена трав, и наступила осень. Он взял ноту *цзячжун*²² на струне *цзюэ*, и тихо задул теплый ветер, зацвели травы и деревья. Наступило лето. Он взял ноту *хуанчжун*²³ на струне *юй*²⁴, пошёл снег и град покрыл землю, реки и пруды замёрзли. Наступила зима. Он взял ноту *жуйбинь*²⁵ на струне *чжи*²⁶, засияло солнце и лёд растаял. В конце концов он ударил по струне гун, добавил к ней звуки других струн, подул благодатный ветер, высоко в небе показались облака, выпала благоуханная роса и забили ключи"²⁷.

Все различные элементы музыкальной теории и философии были обобщены в официальной историографической литературе в виде формулы, содержащейся, в частности, в "Истории династии Хань":

"Музыка - это то, чем святые приводили в движение Небо и Землю, проникали в ясность духов, успокаивали народ и создавали /правильные/ эмоции"²⁸.

Весь этот сложный комплекс музыкальной философии проник в Японию. Заимствованная китайская музыка стала музыкой императорских церемоний и буддийских богослужений. Китайская теория составила основу музыкального профессионального образования. Но распространение музыкальной теории и философии не было ограничено профессиональными кругами. Мы находим положения китайской музыкальной философии и в литературе, написанной на японском языке, иногда без связи с музыкой. Формула,

приведённая выше, часто воспроизводилась в японской литературе. Так, в предисловии к антологии "Собрание старых и новых японских песен" (Кокин вака сю) Ки-но Цураюки пишет о песне:

"Без всяких усилий движет она небом и землёю; пленяет даже богов и демонов, незримых нашему глазу; утончает союз мужчин и женщин; смягчает сердца суровых воинов..."²⁹.

Парадоксально, что Цураюки прилагает это определение не к заимствованной из Китая музыке, но к национальной поэзии, которая противопоставляется заимствованной культуре.

Указанную формулу мы находим и в "Собрании песен, красота которых поднимает пыль с балок" (Рёдзин хисё):

"С помощью песни движут Небом и Землёю, успокаивают жестоких богов, управляют государством и добиваются счастья народа"³⁰.

На цитате из "Истории династии Хань" основан и следующий отрывок из "Повести о Гэндзи:

"К изучению игры на кото нельзя относиться небрежно. Это искусство имеет многочисленные законы, и известно, что в давние времена те, кто сии законы изучил надлежащим образом, могли колебать Небо и Землю, смягчать богов и ужасных демонов. Они знали, как согласовать со звуками кото звуки других инструментов, как превратить в радость глубокую печаль, как возвысить низкого человека до благородного. В те времена, когда это искусство начало распространяться в нашей стране, были люди, которые изучили все эти законы, они проводили много времени в неизвестных странах и всеми силами души старались проникнуть в секреты искусства. Но обучение было трудным. Однако, когда они играли на кото, луна и звёзды, которые блистали в небе, приходили в движение, снег и град падали на землю, гром грохотал в облаках"³¹.

Положения китайской музыкальной теории и философии присутствуют и в "Повести о дупле", в которой музыка играет большую роль. Но в этом произведении китайская философия не цитируется в отвлечённом виде, как в "Гэндзи", но является основой для создания эпизодов, имеющих важное не только философское, но и чисто сюжетное значение. В первой главе игра на кото семи небожителей и Тосикагэ приводит к появлению перед ними Будды. Игра на волшебном кото дочери Тосикагэ в лесу спасает её от нашествия восточных воинов и мотивирует приезд Канэ-маса в лес. В эпизоде соревнования между Накатада и Судзуси, таинственные звуки раздались в облаках, как только Накатада заиграл на волшебном кото. Ветер разогнал облака, луна и звёзды пришли в движение, загрохотал гром, на землю пал град. Накатада

заиграл пьесу, которой небожители обучили его деда, и божества спустились с небес³². Это соревнование имеет важное значение для сюжета: император решает отдать в жены Накатада свою дочь. Это решение продиктовано следующими соображениями: зная, что музыкальная традиция рода Тосикагэ не сообщается посторонним (дочь Тосикагэ не посвящает в неё даже своего мужа, а Накатада впоследствии свою жену), император хочет, чтобы его будущие внуки приобщились к этому искусству.

Узнав о рождении дочери, Накатада заиграл на кото. Звуки были такими сильными, что казалось, звучит целый оркестр. Поднялся сильный ветер, и небо изменилось³³. Дочь Тосикагэ играет на кото во время праздника, посвящённого окончанию обучения Инумия. Она настраивает инструмент в лад осени (хё-дзё) и начинает играть. Звёзды приходят в движение. И хотя праздник состоялся пятнадцатого дня восьмого месяца, тяжелые облака покрыли землю и воздух посвежел³⁴.

Музыка рая Чистой земли влияет на людей и на животных. В первой главе автор описывает, как на звуки музыки собираются со всех сторон обезьяны. Музыка является врачующей. Когда дочь Тосикагэ играет на кото в день рождения Инумия, больные забывают о своих несчастьях и страданиях, и мать новорожденной сразу же поднимается с постели³⁵. В конце романа, когда дочь Тосикагэ начинает играть, в небе сверкает молния, грохочет гром, вода в прудах поднимается, земля колеблется. Потом ветер стихает. Слыша эти звуки, глупые становятся умными, злые - добрыми, и больные, с давних пор прикованные к постели, выздоравливают. Глубокое чувство охватывает всех, и кажется, что плачут даже духи скал и деревьев³⁶.

Говоря о влиянии китайской музыкальной философии на роман, необходимо остановиться на характере самого музыкального инструмента - кото (или *кин*). Это китайский инструмент цинь, который занимает совершенно особое место среди прочих китайских инструментов³⁷. Причины этому были чисто технические. Модель люйлюй никогда в музыке практически не использовалась, по её звукам лишь настраивались музыкальные инструменты. Струнные инструменты вообще гораздо легче настраивать, чем духовые или ударные. Кроме того, среди прочих струнных инструментов цинь был наиболее удобен для воспроизведения тетраметрической системы, на основе которой создавалась музыка. Количество его струн было ограничено пятью, которые настраивались по пяти первым звукам люйлюй (добавление впоследствии двух струн не нарушило этой системы: они настраивались в унисон с двумя из пяти). Цинь,

таким образом, явился необходимым звеном между абстрактными акустическими моделями и их практическим воплощением в музыке. Музыкальные композиции, основанные на использовании пятиступенных гамм, создавались для циня. Прочие инструменты оркестра воспроизводили в унисон его звуки. Этот принцип композиции отражен, в частности, в цитированном отрывке из "Гэндзи": "они знали, как согласовать со звуками кото звуки других инструментов".

Цинь, играющий столь важную роль в музыкальной практике, был впоследствии трактован в философско-символическом плане. Сама его конструкция символизировала вечную гармонию космоса. Его длина (3 чи, 6 цуней и 6 фэней, что в общей сложности равнялось 366 фэням) трактовалась как символ 366 дней года. Верхняя поверхность инструмента символизировала Небо, нижняя - Землю. Пять его струн были символами Пяти элементов. Создание циня приписывалось легендарным правителям: Фу-си, Нюй-ва или Шуню. Кроме этого, в моральном аспекте музыкальных концепций цинь трактовался как инструмент, внушающий людям законы добродетели и запрещающий злые деяния.

В "Повести", таким образом, получают выражение две различные по происхождению музыкальные концепции. Музыка одновременно является Путём, ведущим к Прозрению, своего рода проповедью в звуках, и средством воздействия на живых существ и природу. В произведении проявляется синтез буддийских и конфуцианских положений, который характерен для идеологии эпохи Хэйан.

Выражение этого синтеза не ограничивается только музыкальным аспектом произведения. Описывая добродетель героев - бодхисаттвы Накатада и его деда, который избран Буддой для осуществления своего замысла - автор наделяет их чисто конфуцианскими качествами. Конфуцианский мотив сыновней добродетели занимает большое место в романе и, в частности, в его первой главе. Особое значение приобретает он в части, посвященной детству Накатада: здесь автор создает три эпизода, копирующих знаменитые китайские образцы добродетельных сыновей.

Вопрос о трактовке музыки в романе является ключевым для определения его характера как произведения философского. Но при этом явно, что автор не стремился к особой сложности абстрактных построений, его целью было популяризировать самые общие положения буддизма и конфуцианства, облекая их в форму художественного произведения.

IV

Мы, конечно, не можем восстановить весь ход создания романа, но анализ его показывает, что с самого начала автор не предполагал создать произведение крупной формы. По-видимому, на первом этапе он написал несколько более или менее завершённых фрагментов небольшого объёма, которые впоследствии были объединены в общую композицию. Предварительный этап создания отражён в структуре произведения: в "Повести о дупле" мы находим три независимых друг от друга экспозиции, которые составляют три первых главы. Это "Тосикагэ"; история проникновения в Японию музыки Чистой земли, путешествие Тосикагэ на Запад, рождение и воспитание Накатада. Вторая экспозиция, "Тадакосо", представляет собой совершенно законченную новеллу. Сразу же бросается в глаза, что глава создавалась без какой-либо связи с другими частями произведения. Её последний эпизод, повествующий об одном из кото, привезенных Тосикагэ, носит явный характер позднейшего добавления. История Тадакосо, однако, упоминается в первой главе. Третья экспозиция, "Господин Фудзивара", посвящена Минамото-но Масаёри и его дочери Атэмия. Три главы не имеют между собой ничего общего. Масаёри появляется в самом конце первой главы, здесь же говорится о его дочери, но вся эта заключительная часть, по-видимому, была создана, когда у автора уже возникла идея объединить ранее написанный материал. К тому же, речь о Масаёри и Атэмия идёт здесь так, как будто они уже известны читателю; по-видимому, так оно и было, и эпилог первой главы написан после третьей, где история Масаёри излагается подробно. В третьей главе упомянуты Канэмаса и Накатада, но автор посвящает им всего несколько строк, и их появление не играет никакой роли в развитии сюжета. Исходя из содержания первых трех глав, невозможно определить, в каком порядке они создавались. Вероятно, первоначально они были задуманы как самостоятельные произведения типа новеллы.

Если мы сравним "Тосикагэ" и "Господина Фудзивара" с точки зрения потенциальных возможностей для развития сюжета крупного произведения, то очевидно, что "Фудзивара" такой возможностью не обладает. Вся глава распадается на серию эпизодов, посвящённых влюблённым в Атэмия. Большинство этих эпизодов абсолютно завершены, появление их героев в последующих главах ничего не добавляет ни к их характеру, ни к ситуации. После въезда Атэмия во дворец, автор добавляет к этим историям развязку: влюбленные в красавицу или умирают от тоски, или сходят с ума,

или удаляются в монастырь. Таким образом, в середине "Повести" эти персонажи окончательно сходят со сцены.

Возможности для построения крупного произведения, пронизанного единой идеей, давал "Тосикагэ". Содержание этой главы переросло рамки новеллы и дало возможность автору создать крупное произведение на тему об истинности буддийского учения, включив в него ранее созданный материал. Как только оформилась концепция романа в целом, эта глава заняла в нем первое место и определила главенствующее положение истории Тосикагэ и Накатада для всего произведения.

Однако сама по себе эта линия малодинамична. Образ Накатада, идеального героя, который свободен от каких бы то ни было заблуждений, статичен, что обусловлено влиянием житийной литературы. Обобщённость характеристики присуща герою произведений этого жанра. Как пишет М. М. Бахтин, в житийной литературе "должно быть исключено всё типическое для данной эпохи, данной национальности (...), данного социального положения, данного возраста, всё конкретное в облике, в жизни, детали и подробности её, точные указания времени и места действия, - всё то, что усиливает определённость в бытии данной личности (и типическое, и характерное, и даже биографическая конкретность) и тем понижает его авторитетность (житие святого как бы с самого начала протекает в вечности)"³⁸. По замечанию В. О. Ключевского, "житие - не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии не портрет, а икона"³⁹. Хотя "Повесть о дупле" нельзя полностью относить к произведениям житийной литературы, сказанное в значительной степени относится к образу Накатада. Мы не должны подходить к "Повести" с точки зрения более поздних произведений, главный интерес которых сосредоточен в показе частного и конкретного, в показе отдельной человеческой личности и оригинальных характеров. Перед автором "Повести" стояла другая задача. Нельзя объяснять обобщённость фигуры главного героя неспособностью автора создать психологически убедительный образ. В своём произведении автор создал серию разнообразных характеров, в которых он использовал свои наблюдения над различными типами и над человеческой природой и которые психологически необычайно достоверны.

V

Характерной чертой "Повести о дупле" является сочетание в ней самых разнообразных стилей. Такое сочетание не было обусловлено особым художественным замыслом, но прибегая к различным заимствованиям, автор не стремился привести к единообразию стиль различных фрагментов, и эпизоды романа сохраняют с теми или иными источниками связь не только сюжетную, но и стилистическую.

Многочисленные нити связывают "Повесть" с литературой, проникшей в Японию из Китая. Эта литература не нуждалась в переводе. Заимствованные из этой литературы сюжеты, по-видимому, впервые в "Повести о дупле" получают воплощение на японском языке. В подобных эпизодах стиль сух и лаконичен, никакие детали не оживляют повествования. Таково начало первой главы вплоть до смерти Тосикагэ. Масуда Кацуми отмечает, что стиль этой части, и особенно эпизодов обучения Тосикагэ у семи небожителей и появления Будды, близок к стилю китайских переводов буддийских произведений⁴⁰.

С другой стороны, огромную роль в романе играет японская поэзия. Страницы романа насыщены *танка*, многие эпизоды представляют собой серии стихотворений, сочинённые группой персонажей по тому или иному поводу, часто без какого-либо комментария к стихам. Роль стихотворений особенно велика в первой части романа до въезда Атэмия во дворец. Основными авторами стихов являются влюблённые в красавицу. Кроме того, в романе есть серии стихотворений поздравительных или посвящённых любованию природой. Такие серии очень близки к разделам поэтических антологий, объединяющих стихотворения на одну и ту же тему.

Во многих эпизодах "Повести" стихотворения сопровождаются более или менее развёрнутыми объяснениями, в которых говорится об условиях и поводе их создания. Такие фрагменты могли бы быть частями "Повести об Исэ" или "Повести о Ямато". Примером этого рода является отрывок из первой главы, повествующий о дочери Тосикагэ и молодом Канэмаса, страдающих в разлуке.

Но, в целом, роль стихотворений в "Повести" совершенно иная, чем в "Исэ" или "Ямато". Обратимся к части первой главы, в которой *танка* играют большую роль: описание жизни дочери Тосикагэ после смерти отца до описания тоски влюблённых. Этот отрывок содержит шестнадцать стихотворений. В "Исэ" и "Ямато" прозаический текст не имеет самостоятельной ценности, без

стихотворений он не может существовать. В "Повести о дупле" сокращение стихотворений, конечно, обеднило бы текст, но не нарушило его смысла, не лишило бы его логической последовательности. Развитие сюжета не зависит от стихотворений, которые уже не являются центральным моментом текста. Таким образом, соотношение прозы и поэзии в "Повести" изменилось по сравнению с предшествующими произведениями, основой становится прозаическое изложение, в которое может быть вкраплено некоторое количество стихотворений.

В "Повести" явно влияние поэзии даже в таких эпизодах, которые не содержат стихотворений. Это, прежде всего, описания природы. Языковое и жанровое разделение, которое существовало в японской литературе до X в., когда проза писалась на китайском, а поэзия, главным образом, на японском, явилось причиной того, что образы природы были ограничены областью поэзии. Проза была в основном историографическая или религиозная, копирующая китайские образцы. Сам жанр этих произведений, а кроме того, использование китайского языка, препятствовали появлению в них описаний японской природы. Что касается создаваемой с X в. прозы на японском языке, то природа не сразу получает в ней отражение. В первых произведениях японской прозы природа отсутствует. В них почти не упоминаются самостоятельно ни растения, ни животные. Если в "Исэ" или "Ямато" и появляются в прозаической части какие-то упоминания птиц или растений, то только потому, что они фигурируют в стихотворениях. Приведём в качестве примера последний отрывок из "Повести о Ямато", где описывается запущенный дом, в котором хочет укрыться от дождя герой. "Вошёл он, огляделся: у лесенки цветёт красивая слива. И соловей поёт". Из дальнейшего ясно, однако, что даже это лаконичное описание не имеет никакого самостоятельного значения. Соловей упомянут сразу же в стихотворении дамы, живущей в доме, а на лепестках сливы она пишет второе стихотворений.⁴¹

Даже в "Дневнике путешествия из Тоса" (Тоса-никки), созданном Ки-но Цураюки, произведении поистине новаторском, открывающем новые возможности развития японской прозы⁴², нет никаких самостоятельных описаний природы. Крайне немногочисленные упоминания растений или птиц (например, сосен и аистов) выполняют роль прозаических вступлений к стихам, близких к соответствующим объяснениям в поэтических антологиях. Это тем более удивительно, что "Дневник" - произведение чисто прозаического жанра; стихотворения здесь не играют формообразующей роли, и автор, казалось бы, мог свободно излагать свои впечатления

от природы в избранном им прозаическом стиле. Явление, казалось бы, парадоксальное: Цураюки, который часто обращается к природе в своей поэзии, становится абсолютно глух к ней, как только начинает сочинять прозу.

"Повесть о дупле" - первое произведение японской прозы, в котором описания природы имеют самостоятельное значение. Даже в истории путешествия Тосикагэ, части, наименее развитой с точки зрения описаний, автор упоминает и цветы, и листья клёна. Описания природы становятся гораздо более детальными, когда действие переносится в Японию. Одним из наиболее показательных примеров является описание заброшенного дома Тосикагэ. Стиль в этой части становится гораздо более гибким, чем в начале главы. Ритм повествования резко меняется, изложение становится медленным и подробным. Упоминаются весенние цветы, красные листья клёна, полынь и хмель. Описание запущенного сада при свете луны, когда Канэмаса входит в дом, является одним из совершенных образцов пейзажа в хэйанской литературе. Автор говорит здесь о самом саде: деревьях, зарослях диких трав, ручьях, пруде, - о луне, об аромате цветов, о прохладном ветре, о стрекотании цикад. Лишь немногие из этих элементов входят в стихотворение, которое слагает Канэмаса. В целом же, описание природы здесь совершенно самостоятельно.

Все элементы пейзажа в "Повести" заимствованы из поэзии. Это станет совершенно ясным, если мы вернёмся к речи Накатада об обучении игре на кото. Все образы природы, которые здесь встречаются, заимствованы из первой поэтической антологии "Собрание мириад листьев" (Манъёсю) вплоть до прямой цитаты из знаменитого стихотворения Какиномото Хитомаро: "Вздывается волна из белых облаков, как в дальнем море, среди небесной вышины, и вижу я: скрывается, плывя, в лесу полночных звёзд ладя луны"⁴³. Автор "Повести" не вышел за пределы канона, сформировавшегося в поэзии, но впервые в японской литературе он ввёл эти поэтические образы в прозу.

Таким образом, в "Повести о дупле" автор соединил различные направления литературы своего времени, - в частности, стиль китаеязычной прозы и стиль японской поэзии. Направления эти были столь разнородны, что автору не удалось органически объединить их в стилистически единую композицию. В созданном после "Повести" романе Мурасаки Сикибу стиль повествования гораздо более совершенен. Но, оставляя в стороне вопросы индивидуального таланта автора, надо сказать, что совершенство это обусловлено следующими причинами. Мурасаки Сикибу имела перед собой "По-

весть о дупле" как образец для своего сочинения. Например, в своих описаниях природы она находилась под несомненным влиянием "Повести". Кроме того, в "Гэндзи" кругозор автора гораздо более ограничен. Мурасаки развивает лишь одну из линий "Повести о дупле", линию любовных отношений, но и здесь её персонажи гораздо менее разнообразны. Образы её романа отличаются тонкой психологической разработкой внутри небольшого числа характеров. При таком единстве содержания стиль её произведения гораздо более выдержан.

"Повесть о дупле" - произведение поистине новаторское, которое открыло новые пути для развития японской прозы. Многие особенности "Повести", недочёты её композиции и неровность её стиля проистекают от того, что в ней автор впервые дал синтез различных стилей современной ему литературы и создал совершенно новый жанр: жанр сюжетного повествования большого объёма.

Огромное значение для японской литературы имело обмирщение языка, осуществлённое автором, т. е. переход от китайского литературного языка к японскому разговорному. "Повесть о дупле" сравнима с произведениями китайской народной литературы эпох Тан и Сун: с произведениями жанра *бяньвэнь*, которые всегда основывались на произведениях буддийского канона и читались перед мирянами⁴⁴ и с произведениями жанра *пинхуа* (народный исторический роман), которые основывались на материале официальной исторической литературы⁴⁵. Это сравнение ограничивается, однако, общим стремлением автора "Повести" популяризировать положения буддизма и конфуцианства. Этой цели и подчинено использование в романе разговорного языка. Необходимо отметить важное отличие: в Китае народные произведения следовали довольно точно своим источникам, тогда как автор "Повести о дупле" создал совершенно оригинальную композицию, свободно используя заимствованные элементы.

Примечания

1. Уцухо-моногатари ("Повесть о дупле"), под ред. Коно Тама, в 3-х томах. "Нихон котэн бунгаку тайкэй, 10-12". Токио, 1961-1962, т. 1, с. 8.

2. Исигава Тору. "Уцухо-моногатари кохан-но косо-ни цуитэ" (Концепция второй части "Повести о дупле"). - Хэйантё моногатари, 2. Уцухо-моногатари (Моногатари эпохи Хэйан, часть вторая, "Повесть о дупле"). Нихон бунгаку кэнкю сирё сосё, Токио, 1979, с. 190.

3. Такэхара Такао. "Уцухо-моногатари-но кихон косо" (Основная концепция "Повести о дупле"). - Хэйантё моногатари, 2, с. 95-103.

4. В сюжете "Тосикагэ" можно найти элементы волшебной сказки в понимании В.Я. Проппа. Два положения, основные в волшебной сказке, представлены в истории путешествия Тосикагэ с исключительной чёткостью: странствие героя представляет собой не что иное, как путешествие в страну мёртвых и имеет значение инициации юношества (Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986, с. 52-111). В "Повести о дупле" второе положение подчёркнуто ещё и тем, что музыка, которой обучается Тосикагэ, имеет все признаки тайной науки волшебных сказок, которую юноши приобретают во время обряда инициации (с. 103-106). Имеются и другие соответствия, например, завязка, в которой описывается сказочная семья, счастливое и спокойное существование которой прерывается необходимостью героя отправиться в путь (с. 46-47) или преодоление различного рода препятствий, пропастей, гор и рек, через которые героя переносят различные животные (с. 207-210). В японском произведении эти элементы сказки, имеющие мифологическую основу, включены, однако, в контекст буддийских представлений или реальных условий жизни японского общества IX в., например, путешествие Тосикагэ мотивировано историческим фактом отправки посольства в Китай. Мы не можем ответить на вопрос: связаны ли эти элементы "Повести" с мифологическими представлениями самих японцев или они в той или иной форме были заимствованы из фольклора других народов.

5. Уцухо-моногатари, т. 1, с. 8.

6. Указ. соч., т. 3, с. 528.

7. Указ. соч., т. 3, с. 394-395.

8. Указ. соч., т. 3, с. 514.

9. Указ. соч., т. 3, с. 515.

10. The Sacred Books of the East. Ed. F. Max Müller. Vol. XLIX, part 2. Oxford, 1894, p. 30, 44, 50, 95-97.

11. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), в 10-ти томах. Пекин, 1972, т. 4, с. 1243.

12. Ле-цзы цзиши. Чжан Чжань чжу ("Ле-цзы" с комментариями Чжан Чжана). Байсун цуншу чжи и Гуанвэнь шуцзюй, Тайбэй, 1960, глава 5, с. ба. "Ле-цзы", даосская классическая книга, была обнаружена в эпоху Цзинь (265-419). Возможно, однако, что она была создана в именно эту эпоху.

13. Сыма Цянь. Ши цзи, т. 1, с. 43.

14. Сыма Цянь. Ши цзи, т. 1, с. 82.

15. Бань Гу. Хань шу (История династии Хань), в 12-ти тт. Пекин, 1975, т.4, с. 1039.

16. Цзюэ - название третьей ступени пентатонической гаммы и третьей струны циня.

17. Фэн су тун и цзяо ши ("О нравах и обычаях" под редакцией У Шу-пина). Тяньцзинь, 1980, с. 230-231. Книга составлена Ин Шао в эпоху Хань.

18. Гун - название первой ступени пентатонической гаммы и первой струны циня.

19. Фэн су тун и цзяо ши, с. 225.

20. Наньлюй - название ступени люйлюй, соответствующей восьмому месяцу.

21. Шан - название второй ступени пентатонической гаммы и второй струны циня.

22. Цзячжун - название ступени люйлюй, соответствующей второму месяцу.

23. Хуанчжун - название ступени люйлюй, соответствующей одиннадцатому месяцу.

24. Юй - название пятой ступени пентатонической гаммы и пятой струны циня.

25. Жуйбинь - название ступени люйлюй, соответствующей пятому месяцу.

26. Чжи - название четвёртой ступени пентатонической гаммы и четвертой струны циня.

27. Ле-цзы, глава 5, с. ба-б.

28. Хань шу, т. 4, с. 1039.

29. Перевод А. Е. Глускиной. См.: Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. Л., 1927, с. 94.

30. Рёдзин хисё (Собрание песен, красота которых поднимает пыль с балок). - Вака розэй сю. Рёдзин хисё, под ред. Кавагути Хисао и Сиды Нобуёси. "Нихон котэн бунгаку тайкэй, 73", Токио, 1965, с. 440.

31. Гэндзи-моногатари ("Повесть о Гэндзи"), под ред. Ямагиси Токухэй. "Нихон котэн бунгаку тайкэй, 14-18", Токио, 1958, т. 3, с. 351. Возможно, что в этом отрывке Мурасаки Сикибу имел в виду историю Тосикагэ.

32. Уцухо-моногатари, т. 1, с. 379-380.

33. Указ. соч., т. 2, с. 267-268.

34. Указ. соч., т. 3, с. 513-514.

35. Указ. соч., т. 2, с. 268-269.

36. Указ. соч., т. 3, с. 518-520.

37. Упоминание кото в древних японских памятниках (Кодзики, Нихонги, Манъёсю, Фудоки) свидетельствует, на наш взгляд, не о его национальном происхождении, но о более раннем, по сравнению с прочими китайскими инструментами, периоде его заимствования. См. об этом: Sissaouri, Vladislav. "La musica giapponese (wagaku) in epoca Heian. Il problema della creazione di una musica nazionale". - Il Giappone, Anno XXV, Roma, 1985, p. 26-33.

38. Бахтин М. М. "Автор и герой в эстетической деятельности." - Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества, 1979, с. 161,

39. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. II. М.-Пг., 1923, с. 314-315.

40. Масуда Кацуми. "Моногатари-но сэйтёки" ("Период развития моногатари"). - Хэйантё моногатари, 2, с. 290-294.

41. Ямато-моногатари. Перевод с японского, исследование и комментарий Л.М. Ермаковой. М., 1982, с. 187-189.

42. Горегляд В. Н. Ки-но Цураюки. М., 1983, с. 94-95.

43. Книга седьмая, N 1068. Манъёсю ("Собрание мириад листьев"), в 3-х томах. Перевод с японского, вступительная статья и комментарии А. Е. Глускиной. М., 1971-1972, т. 1, с. 437.

44. Меньшиков Л. Н. "Бяньвэнь по Лотосовой сутре" как памятник китайской литературы.- Бяньвэнь по Лотосовой сутре. М., 1984, с. 165-171.

45. Павловская Л. К., Пинхуа - народный исторический роман. - Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий (Синь бянь у-дай ши пинхуа). М., 1984, с. 9-24.

Тосикагэ

Глава из японского романа X века

”Повесть о дупле”

Давным-давно жил князь по имени Киёвара¹. Он занимал одновременно две должности: старшего помощника главы министерства церемоний и управляющего делами государственного совета. Женат он был на принцессе, и был у них сын. Это был мальчик беспредельных способностей. ”Редкостный ребёнок! - говаривали отец и мать, - дожить бы нам, увидеть бы, каким он вырастет!” Они воспитывали сына, не усаживая специально за книги и ничему особенно не обучая. Он был не по годам рослым и сообразительным. Отец его как-то раз принимал у себя господина из Когурё², и сын (ему было тогда семь лет), подражая отцу, приветствовал гостя стихами. ”Удивительно! - подумал император, узнав об этом. - Надо будет испытать его на государственных экзаменах”. Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, ему дали взрослое имя, Тосикагэ, и он стал носить одежду, причёску и головной убор взрослых.

”Это редкий талант! - думал о нём император. - Годами он молод, но пусть попробует держать экзамены”. Император призвал к себе учёного по имени Накатоми-но Кадохито, который трижды ездил для учёбы в страну Тан, и приказал ему подготовить трудные вопросы для экзаменов³. Ни один из тех, кто получил образование в учебных заведениях, кто обладал большими знаниями и не раз уже сдавал экзамены, не смог ничего сделать, так никто и не представил ни одной строчки. Тосикагэ же написал свое сочинение на тему, предложенную Палатой обрядов и написал его столь искусно, что подобного ещё никто не представлял. Все в Поднебесной были этим изумлены. Только один Тосикагэ и выдержал эти экзамены.

На следующий год император снова вызвал учёного и приказал подготовить тему для экзамена на высшую ступень. Экзамен проходил в императорском книгохранилище. Тему объявили, когда солнце было уже высоко⁴. Тема была трудна, но Тосикагэ писал без колебаний. Его сочинение было чрезвычайно обстоятельным и необыкновенным по стилю. Император был изумлен таким успехом и сразу же пожаловал ему звание чиновника третьего класса Палаты обрядов. Никто не мог сравниться с Тосикагэ ни красотой, ни умом. Родители думали: ”Даже глаз у всех по два, но второго такого сына не найти”.

Когда Тосикагэ исполнилось шестнадцать лет, в стране снаряжалось посольство в империю Тан⁵. На этот раз были избраны мужи выдающихся способностей, среди них был назван и Тосикагэ. Невозможно выразить тоску, охватившую его родителей! Ведь это был их единственный сын, к тому же, он превосходил всех своей красотой и талантом.

Всю ночь перед отъездом проливали они кровавые слезы: сын пускался в столь дальнюю дорогу, что трудно было надеяться вновь увидеться с ним. Родителям и самому Тосикагэ должно было быть очень тяжело. Они просидели всю ночь, склонив друг к другу головы и проливая кровавые слезы. Утром Тосикагэ сел на корабль.

Когда они плыли к берегам Китая, налетела буря, и из трёх кораблей два потерпели крушение. Много людей утонуло. Корабль, на котором находился Тосикагэ, прибило к берегам Персии⁶. Очутившись на берегу этой страны, несчастный, беспомощный, проливая слезы, он стал молиться бодхисаттве Каннон⁷: "Спаси меня, о бодхисаттва, которому я поклоняюсь с семи лет!" И тогда на пустынном берегу, где не было ни птицы, ни зверя, показался осёдланный конь. Он скакал по берегу и громко ржал. Семь раз совершил Тосикагэ поклоны Каннон. Он ещё ждал, когда конь приблизится к нему, как уже оказался в седле, и конь помчался как ветер. Тосикагэ очутился в прохладной роще. Тосикагэ спешился, и конь исчез. Юноша остался в роще⁸.

Музыканты спросили, кто он такой. Он ответил: "Я посол японского императора, Киёвара-но Тосикагэ". Он рассказал о том, что с ним произошло, и они воскликнули: "Ах, вот откуда ты пришел! Оставайся пока с нами". Они расстелили в тени деревьев такую же шкуру, на которой сидели сами, и усадили на нее Тосикагэ.

Ещё на родине мечтал юноша научиться играть на кото, и вот сейчас перед ним трое музыкантов только и делали, что играли на этом инструменте. Тосикагэ не отлучался от них, и скоро не осталось ни одного произведения, которое бы он не выучил. Питался он росой с цветов и инеем с листьев клена.

На следующий год, весной, с западной стороны стал слышаться издали стук топоров по дереву.

"Так далеко и так громко слышно! - думал Тосикагэ. - Какое же это дерево, что так громко звучит!"

Играя на кото и распевая стихи, он всё время прислушивался к этому стуку. Прошло три года. Стук по дереву не прекращался и всё больше и больше становился похожим на звуки кото.

"Куда ни посмотри, никакого леса отсюда не видно, - думал Тосикагэ. - Что же это за дерево, звучащее, как кото, оттуда, где

сливаются небо и земля и исчезает этот мир? Мне хочется отправиться туда, где оно растёт, и во что бы то ни стало сделать из него кото”.

Он попросил разрешения у трёх музыкантов и сразу же пустился в путь туда, откуда раздавался стук топоров. Путь был труден, он пересекал моря и реки, поднимался на скалы, спускался в долины, - так прошёл год, потом другой. На третий год, весной, поднялся он на вершину огромной горы. Оглядевшись вокруг, он увидел вдалеке ещё одну крутую гору, которая вершиной касалась неба. Воспрянув духом, Тосикагэ устремился туда. Поднявшись на гору, он увидел дерево павлонии, корни которого в тысячу дзё⁹ скрывались на дне долины, вершина достигала неба, а ветви указывали на все соседние страны. Вокруг этого дерева толпились страшные существа. Волосы на их головах были подобны торчащим мечам, рожи пылали пламенем, руки и ноги напоминали лопаты и мотыги. Огромные глаза ослепительно сверкали, как металлические чашки. Среди них были женщины, старики, подростки, малыши. Все они разрубали ветвь дерева, которая лежала на земле.

Тосикагэ стало ясно, что на этой горе его ждет неминуемая смерть, но сердце его горело отвагой, и он устремился к *ашурам*¹⁰.

Ашуры при виде его очень удивились.

- Кто ты и откуда? - спросили они.

- Я Кивэара-но Тосикагэ, посол японского императора. Три года шёл я на стук топоров по этому дереву, и вот сегодня достиг этой горы, - отвечал он.

- Зачем ты пришёл сюда? - спросили ашуры гневно. - Вот уже прошла половина срока в десять тысяч калп, назначенного для искупления наших грехов, и мы видели забредающих сюда тигров, волков и ползучих гадов, но никогда мы не видели ни одного человека. Зверей, которые появляются здесь, мы едим. Зачем же ты, имеющий человеческое тело, пришёл сюда? Немедленно отвечай, зачем ты пришёл, - они гневно вращали глазами, большими как колеса телеги, и скалили зубы, страшные, как мечи.

Проливая слезы, Тосикагэ отвечал: "Пощадите меня." Он рассказал ашурам, как отправился на поиски этой горы, как прошёл сквозь стаи диких зверей, как жгло его пламя, как зубы зверей, острые, как мечи, впивались в его ноги, как встречал он ядовитых змей, которые хотели наброситься на него, как из своей родной страны попал сюда, как из роши, где жил, отправился на поиски этой горы, - рассказал всё, начиная с того самого дня, как разлучился с родителями.

- Из-за совершенных в прошлом страшных преступлений мы получили эти ужасные облики, и мы не знаем, что такое милосердие, - сказали ашуры. - Но твой рассказ о родителях, которые в Японии страдают в разлуке с тобой, тронул наши сердца, - у нас тоже есть сорок детей, которых мы любим, и огромная семья в тысячу родственников. Поэтому мы оставим тебе жизнь. Возвращайся же немедленно назад, перепиши ради нас Сутру Великой Мудрости и молись за нас. Мы отпускаем тебя, чтобы ты смог вернуться в Японию к отцу и матери.

Тосикагэ, низко поклонившись, ответил:

- Больше всего с того времени, как я покинул Японию, меня мучит то, что я, единственный, любимый сын своих родителей, разлучился с ними по приказу государя, не думая, что с ними станет, забыв о милосердии. Родители, проливая кровавые слёзы, говорили мне: "Если ты не знаешь, что такое сыновняя добродетель, нам суждено вечно лить слёзы. Но если ты знаешь, что это такое, возвращайся скорее, пока страдания не изведут нас совсем". В пути нас настигла страшная буря, поднялись большие волны, все сотоварищи мои погибли, и меня одного прибило неизвестно куда. С тех пор прошло уже много времени. Выходит, что я не выполняю своего долга по отношению к родителям. Но если мне дадут кусок ветки от этого дерева, я сделаю из него кото и, играя на нем, искуплю свое преступление, искуплю вину перед родителями, которых заставляю так долго страдать.

При этих словах ашуры пришли в ещё больший гнев.

- Если бы даже ты, твои дети и внуки жили здесь вечно, - закричали они, - вам не видать даже одной щепки этого дерева. Знаешь ли ты, для чего оно здесь растёт? Когда во всей вселенной родители стали буддами¹¹, сошёл с небес Молодой принц и три года рыл долину. В эту долину спустилась Небесная женщина и под звуки священных песнопений посадила эту павлонию. Она сказала нам: "Когда пройдёт половина срока искупления ваших грехов в десять тысяч калп, ветка этого дерева, которая указывает на запад, засохнет. Вы должны будете её срубить и разделить на три части. Верхняя часть будет преподнесена Будде, бодхисаттвам и богам, обитающим на небе Торитэн¹², средняя часть пойдет в вознаграждение прошлым родителям, а нижнюю часть получит сын, который будет рождён мною в будущем". Вот что это за дерево! Небесная женщина поставила нас стражами на горе, а сама, когда спускается с небес, пребывает весной в саду цветов, а осенью в кленовой роще. Твоё преступление уже в том, что ты явился сюда самовольно. Во искупление своих грехов мы в течение долгих лет охраняем это

дерево, чтобы избавиться от страшного нынешнего облика, но при этом мы сами ни щепки от этой ветки не получим. С какой же стати мы отдадим тебе часть дерева?

Ашуры были готовы кинуться и сожрать Тосикагэ, но тут небо внезапно потемнело, хлынули дождевые капли величиной с тележные колеса, загрохотал гром, сверкнула молния, и с небес верхом на драконе спустился мальчик. Он вручил ашурам золотую пластинку и возвратился обратно. На пластинке было написано: "Отдайте нижнюю часть ветки Тосикагэ, который прибыл из Японии".

Ашуры изумились. Они совершили перед Тосикагэ семь клонов.

"Как это удивительно! Это тот самый сын Небесной женщины, о котором она когда-то говорила", - подумали они и, обращаясь к Тосикагэ, почтительно сказали:

- Из трёх частей этой ветки верхняя и средняя - молоток счастья: если взять хоть малую щепку и ударить ею по пустой земле, вся она вскипит сокровищами, бесчисленными, как песок Ганга. А нижняя часть имеет замечательное звучание, это сокровище на веки вечные.

Они разрубили ветку. При звуке топоров спустился с небес Молодой принц. Он сделал из ветки тридцать кото и вновь поднялся на небо. Зазвучала райская музыка, с небес спустилась Небесная женщина. Она покрыла инструменты лаком, велела Ткачихе¹³ ссучить для струн нити, прикрепила их к инструментам и поднялась на небо. Так были сделаны тридцать кото.

Тосикагэ отправился дальше на запад, а ветер понес за ним тридцать инструментов. Очутившись в волшебном лесу, Тосикагэ захотел попробовать, как звучат кото. Двадцать восемь из них звучали одинаково, от звуков же двух начались обвалы в горах, земля разверзлась и поглотила семь гор.

Тосикагэ жил в этом прекрасном лесу, сидя в прохладной тени, распевая в одиночестве песни и играя на кото. На третий год весной, он отправился дальше на запад, в сад цветов. Там он поставил перед собой все кото, сел под сенью большого цветочного дерева, и думая о своей родине и о своих родителях, заиграл на одном из тех двух, которые превосходили другие по звучанию. Весеннее солнце светило мягко, горы были в зелёной дымке, в лесу на деревьях только-только показались почки, в цветочном саду распускались цветы, - всё было полно неизъяснимой прелести. Тосикагэ играл на кото всё громче и громче. Наступил час Лошади¹⁴, в небесах раздались звуки священных песнопений, и на пурпурном

облаке в сопровождении семи небожителей спустилась с небес Небесная женщина. Тосикагэ низко ей поклонился и заиграл снова. Она опустила на цветы и спросила:

- Кто ты? Почему живёшь ты один в саду, где весной любимы мы цветами, а осенью кленовыми листьями, и куда не залетают даже вольные птицы? Не ты ли получил ветку дерева, которое стерегли ашуры там, на востоке?

- Я тот самый и есть, кому была вручена ветка, - отвечал Тосикагэ. - Я не знал, что это место посещается буддами. Мне казалось, здесь очень тихо. Я давно живу здесь и за это время никого не видел.

- Ты именно тот, о ком я думала, поэтому ты и живёшь здесь, - сказала Небесная женщина. - Такова воля небес: ты будешь играть на земле на кото и дашь начало роду музыкантов. В древности за некий проступок я была изгнана из страны Будды, которая находится на западе отсюда, послана на восток и спустилась на землю. Я прожила там семь лет и родила семь сыновей, которые и сейчас живут там на семи горах. Они играют на кото музыку рая Чистой земли. Отправляйся туда, перейми у них искусство игры, выучи эту музыку и возвращайся в Японию. Сейчас я дам названия двум кото, которые превосходят по звучанию остальные. Одно будет называться *нан-фу*, другое - *хаси-фу*¹⁵. Играй на них только перед моими сыновьями, которые живут в горах. Нельзя, чтобы ещё кто-то их слышал.

Потом она добавила:

- Где бы ты ни заиграл на этих двух кото, хоть бы и в грешном земном мире, - я обязательно спущусь к тебе.

Следуя наказу Небесной женщины, Тосикагэ из сада цветов отправился дальше на запад. Ему преградила дорогу широкая река, но появился павлин и перенёс его, а кото перенёс через реку ветер. Он шёл всё дальше и подошёл к страшной пропасти, но оттуда поднялся дракон и перенёс Тосикагэ. Кото же перенесли по ветру. Пошёл он дальше на запад и увидел семь неприступных гор. Из этих гор вышло семь магов-отшельников, которые провели его через кручи. Далее на запад была гора, где сплошь бесновались тигры и волки, но явился слон и перенёс его. Он двинулся далее на запад и дошёл до семи гор, на которых, как говорила ему Небесная женщина, жили семь её сыновей.

Тосикагэ поднялся на первую гору и увидел человека, который сидел в тени волшебных деревьев на ковре из цветов и играл на кото. На вид ему было не более тридцати лет. Тосикагэ стоя со-

вершил приветственный поклон, а затем сел и поклонился ещё раз. Хозяин горы очень удивился:

- Кто ты и откуда пришёл сюда?

- Я Киёвара-но Тосикагэ, - отвечал тот. - Я пришёл сюда, потому что мне было сказано то-то и то-то.

- Неужели из того самого сада, где цветут лотосы, где проводит время моя мать? - спросил хозяин горы. - Ты японец, и услышать от тебя, что ты пришёл из цветочного сада, гораздо удивительнее, чем увидеть перед собой мою мать.

Он усадил Тосикагэ под дерево рядом с собой и начал расспрашивать, как он попал сюда. Тот рассказал всё с самого начала во всех подробностях. В это время ветер опустил перед ними все тридцать кото. Хозяин горы и Тосикагэ начали играть на них, и сына Небесной женщины охватила глубокая грусть. Вместе с Тосикагэ он отправился на вторую гору.

Увидев их; хозяин второй горы изумился.

- Этот человек пришёл сюда из цветочного сада, где растут лотосы, - сказал его брат, - и я привел его с собой, движимый тоской по милостям нашей матери, которая кормила нас молоком.

Хозяин второй горы при этих словах сделался печален, и втроём отправились они на третью гору. Там было то же самое, и вчетвером отправились они на четвертую гору. И там было то же, впятером отправились они далее вглубь. И там было то же, и они пошли дальше вшестером. И там было то же, и всемером они пошли дальше.

Седьмая гора была прекраснее всех остальных, она была покрыта ляпис-лазурью, цветы здесь были особенно благоуханны, клёны особенно красивы, в воздухе раздавалась музыка рая Чистой земли, звучала совсем рядом; по земле, покрытой цветами, разгуливали фениксы и павлины. Сюда пришли семеро путников и поклонились хозяину этой горы. Он обрадовался и приветствовал гостей.

- Этот японец прибыл из лotosового сада, - сказали его братья, - он рассказал об этом саде, и, движимые любовью к нашей матери, мы все вместе привели его сюда.

Услышав это, хозяин горы обратился к Тосикагэ:

- Изгнанные с небес, мы были рождены в этом образе Небесной женщиной. Она спустилась в эти горы и жила здесь семь лет, каждый год рождая по ребенку, - поэтому нас семь братьев. Мы были ещё малыми детьми, когда наша мать возвратилась на небеса. Мы живём с детства в этих горах, которые наша мать не посещает. Мы пьем росу с цветов и с листьев клена, как материнское молоко.

После возвращения нашей матери на небеса, мы ни разу её ни видели, даже пролетающей в вышине. Смутно мы слышали, что должны жить в этих безлюдных местах и очень долго никого не видеть, а потом из цветочного сада, который находится к востоку отсюда и куда весной и осенью спускается наша мать, придёт человек, который дорог тем, кто живёт рядом с нашей матерью. Мы должны принять его, хотя эти места недоступны для тех, кто живёт в земном мире.

Затем каждый из них взял по одному коту и вместе они начали играть. Они играли семь дней и семь ночей, и звуки музыки достигли святой обители Будды.

- Это звучит дерево, которые посадили небожители к востоку отсюда и к западу от земного мира, - сказал будда, обращаясь к бодхисаттве Мондзю¹⁶. - Отправляйся немедленно туда и посмотри, кто это играет.

Мондзю сел на льва и в мгновение ока спустился на седьмую гору. Он спросил музыкантов:

- Кто вы такие?

Семь братьев, поклонившись, ответили:

- Когда-то мы жили во дворце на небе Тосоцу¹⁷. За незначительные преступления мы были рождены в этом мире Небожительницей с неба Торитэн. Нас семеро, жили мы в разных местах и друг друга никогда не видели. Но благодаря благосклонности нашей матери к человеку, что пришёл сюда из сада цветов, который она часто посещает, мы все семеро собрались вместе.

Мондзю возвратился в святую обитель и рассказал об этом Будде. Будда и Мондзю сели в облачный паланкин и начали спускаться с небес. В горах, где играли семь братьев и Тосикагэ, реки потекли вспять, горы задрожали, в беспредельном небе раздалась звуки райской музыки, изменился цвет облаков, иначе зашумел ветер, вопреки закону чередования времён года распустились весенние цветы, а клёны покрылись осенним багрянцем. Игра на кото достигла предельного совершенства. Будда приблизился к горе, и цветочный трон, на котором он сидел, опустился на павлина. Семь дней и семь ночей возносились усердные молитвы, и провозглашение имени Будды Амиды сопровождалось звуками кото.

Будда явил свой лик музыкантам и Тосикагэ¹⁸ и изрек, обращаясь к семи братьям:

- В прошлом ваша добродетель была глубока, но за мелкие проступки вы были когда-то рождены в небе Тосоцу. Там вы впали в постыдный грех гнева и в наказание были изгнаны на землю. Сейчас эта карма полностью завершена. Ты же, существо из Стра-

ны Восходящего Солнца, - продолжал Будда, глядя на Тосикагэ, - в своих перерождениях не должен был возродиться в облике человека. Причина этому - грехи похоти, которых не счесть у тебя в предыдущих рождениях. Потому ты в своих превращениях должен был восемь рождений в человеческом облике пройти, через чрево двух тысяч человек пять и восемь раз пройти¹⁹. Среди твоих матерей никто не должен был иметь человеческого тела. Однако давным-давно жил в одной стране отшельник по имени Великий Сомухамуна. Тогда там царствовал скупой и безжалостный правитель. Он разрушал страну, народ голодал. Семь лет отшельник кормил зерном голодающих, бесчисленных, как песок Ганга, и усердно творил заклинания, избавляющие несчастных от страданий. В то время ты в образе животного приносил отшельнику овощи и черпал для него воду. Кроме того, три года ты был воздержан. Из-за этих добрых дел ты уничтожил число перерождений, назначенных тебе. Произошло это потому, что ты служил человеку, который читал заклинания, приносящие счастье. И сейчас вновь родиться в облике человека - трудно, но поскольку ты пришёл в эти горы, изумил Будду и бодхисатву, пробудил в косных жестоких ашурах чувство сострадания (...) ²⁰, эти семь человек с гор, завершив свою оставшуюся карму, должны подняться на небо. Ты же, существо из Японии, следуя судьбе, должен был в своих перевоплощениях увидеть Будду своими глазами и услышать из уст его Закон. Знай также, что один из семерых братьев, живших в этих горах, возродится твоим потомком в третьем поколении. Он не должен был рождаться земной женщиной, но есть особые причины, связывающие его со страной Восходящего Солнца, и поэтому в этом рождении жизнь его будет исполнена благодати.

Когда Будда так молвил, все простерлись перед ним. Тосикагэ преподнёс по одному кото Будде и Мондзю. Тотчас же Будда сел на облако, отдался на волю ветра и вознёсся в свою обитель. Небо и земля при этом содрогнулись.

Пришло время для Тосикагэ отправиться в Японию. Каждому из семи братьев он подарил по одному кото. Они были очень печальны и проливали кровавые слёзы. С большой неохотой пустился Тосикагэ в путь. На прощанье семь братьев играли райскую музыку, а потом проводили его до той реки, через которую переносил его павлин. Здесь они сказали, что должны возвратиться:

- Мы хотели бы проводить тебя до самой Японии, но нам нельзя выходить за пределы этих гор. Как нам ни тяжело, но мы должны здесь с тобой расстаться. Ах, если бы нам было разрешено сопровождать тебя в Японию!

Братья сотворили молитву и, отворив на руке кровь, написали названия на тех инструментах, которые Тосикагэ должен был привезти в нашу страну. Одно назвали *рюкаку-фу*, другое - *хосоо-фу*, ещё одно - *ядомори-фу*, четвертое - *ямамори-фу*, пятое - *сэта-фу*, шестое - *ханадзоно-фу*, седьмое - *катати-фу*, восьмое - *мияко-фу*, девятое - *аварэ-фу*, десятое - *оримэ-фу*. После этого семь братьев повернули назад.

Тосикагэ продолжал свой путь один. Опять поднялся ветер и понёс за ним кото. Инструментов, которым только что дали название, вместе с двумя, имена которым дала Небесная женщина, было двенадцать, а ещё ветер нёс те, которые оставались безымянными. Тосикагэ прибыл в рошу, в которой жил три года, и подробно - месяц за месяцем, день за днем - рассказал трем музыкантам, что с ним произошло. Ветер принёс кото и опустил перед ними на землю. Из тех, что оставались без названия, Тосикагэ преподнёс три инструмента музыкантам. Радости их не было предела.

Когда по пути в Японию Тосикагэ проходил через Персию, он послал по одному кото царю этой страны, царице и наследному принцу. Увидев эти инструменты, царь пришёл в крайнее изумление и призвал к себе Тосикагэ. Когда он явился во дворец, царь подробно расспрашивал его об этих кото.

- Когда я касаюсь струн инструмента, подаренного тобой, он звучит плохо, - сказал царь. - Оставайся на некоторое время у нас и научи, как надо играть на этом инструменте. Ты чужестранец, но уже прошло много времени с тех пор, как ты прибыл сюда. Оставайся ещё немного, и я щедро вознагражу тебя.

- Я оставил в Японии отца и мать, которым было тогда восемьдесят лет, и отправился в путь, - отвечал Тосикагэ. - Сейчас они уже, вероятно, превратились в пепел и прах. Но я хочу увидеть хотя бы их белые кости, и поэтому должен спешно покинуть вашу страну.

Царь опечалился, но разрешил ехать дальше.

Тосикагэ взошёл на купеческий корабль и после двадцати трёх лет отсутствия возвратился в Японию. Ему было тридцать девять лет. Ему рассказали, что три года назад скончался его отец, а пять лет назад - мать. Тосикагэ горько опечалился, но делать было нечего. Три года носил он по родителям траур.

Император Сага, узнав о его возвращении, очень обрадовался.

- Наконец-то вернулся Тосикагэ, блиставший раньше талантами, - говорил он. Император призвал его к себе и стал обо всём расспрашивать. Тосикагэ рассказал о том, что с ним происходило²¹, и император проникся к нему сочувствием. Ему дали чин младшего

помощника главы министерства церемоний, и он получил свободный доступ во дворец. Император пожелал, чтобы он был воспитателем наследного принца.

- Тосикагэ надо поручить образование принца, - сказал император. - Пусть он учит наследника всему и развивает его способности, и мы тогда не будем тревожиться о будущем нашей страны.

Тосикагэ превосходил всех своей красотой, и те, у кого были на выданье дочери или младшие сестры, твердили ему дённо и ночью: "Будь нашим зятем!" Но Тосикагэ твёрдо отвечал, что Будда объявил похоть тяжёлым грехом, и был воздержан. Всё же он выбрал в жены дочь одного из принцев, основавшего род Минамото²², девушку редкого благородства, и родилась у них дочь. Мила она была необычайно. Тосикагэ был повышен в ранге и занимал отныне две должности: старшего помощника главы Министерства церемоний и управляющего делами Государственного совета.

Тем временем девочке исполнилось четыре года. Она была высока ростом и обнаруживала ум и сообразительность.

"Моя дочь достигла уже того времени, когда её можно учить музыке, - подумал Тосикагэ. - Я буду учить её игре на кото, всему тому, чему я, рискуя жизнью, научился сам".

Он вытащил привезённые из Персии кото. О двух из них он никому не сказал, а из остальных десяти одно, *рюкаку-фу*, дал дочери, *хосоо-фу* выбрал для себя, *ядомори-фу* тоже оставил в доме, а остальные семь отнес во дворец. *Сэта-фу* он преподнёс императору. *Ямамори-фу* преподнес императрице. *Хана дзоно-фу* - наследному принцу. *Мияко-фу* - его супруге. *Катати-фу* преподнёс левому министру Тадацунэ. *Оримэ-фу* - Правому министру Тикагэ²³. Император попробовал играть на всех этих кото. Звучание их было восхитительным.

- Как же были сделаны это кото? - спросил удивленно император. - Вот уже давно не прикасалась к ним рука человека, но звук не стал хуже. И как смогли сделать так, что все семь имеют одинаковое звучание?

Тосикагэ рассказал всё подробно. Император был изумлён, он слушал с большим интересом, и не было конца его расспросам.

- Мне непривычно играть на этом кото. Поиграй на нём ты, - сказал император.

Тосикагэ взял кото *сэта-фу* и начал тихонько играть на нём. Он играл одно из "больших произведений"²⁴, звуки кото становились всё громче и громче, и вдруг черепица на крыше дворца стала крошиться и сыпаться вниз, как лепестки цветов. Он заиграл другое произведение, - и несмотря на то, что была середина шестого меся-

ца, повалил снег, густой, как покрывало. Император был в чрезвычайном изумлении.

- Это, действительно, удивительные произведения, - сказал он. - Одно из них называется "Юйкоку", второе - "Кусэкуюкухара". Рассказывают, что когда их играли танские правители, с крыш крошилась черепица и шёл снег. Что за удивительный, редкостный у тебя талант! Ты сделал то, чего ещё никто не видел в нашей стране! Давным-давно ты два раза сдавал экзамены и проявил себя человеком, в науках исключительным, превзошёл в этой области всех прочих. Тебе был пожалован чин, а потом ты был назначен воспитателем наследного принца. Но книжников в нашей стране много, хоть они тебе и уступают. А вот в игре на кото у нас второго такого нет. Учи наследника не наукам, а музыке. Принц обладает несомненными талантами. Он, вероятно, не будет доставлять забот своему учителю. Если ты всё своё искусство без остатка передашь наследнику, мы пожалуем тебе право являться во дворец в наоси²⁵.

На это Тосикагэ ответил:

- Когда я был молод, я был разлучён с отцом и матерью и послан в Китай. Страшный ветер и большие волны занесли меня в неизвестную страну. Нельзя было превзойти глубину моей печали. После многих страданий возвратился я домой, но отец и мать мои уже скончались, и я нашёл одно лишь пустое жилище. В то время я следовал высочайшей воле, несколько раз сдавал экзамены, отправился в Китай. Никогда больше не видел я отца и мать, долгое время я был с ними в разлуке, страдал я много. Сейчас у меня нет сил учить наследника. Я знаю, что это непочтительно по отношению к моему государю, но я не буду учить наследника игре на кото.

После этих слов он удалился.

Отказавшись от выполнения императорского пожелания, бросив службу, Тосикагэ поселился в просторном красивом доме, который он построил на окраине столицы на перекрёстке Третьего проспекта и проспекта Кёгоку, и начал учить дочь игре на кото. Девочка всё запоминала с одного раза и в день выучивала пять или шесть "больших произведений". Под её руками те же самые инструменты звучали великолепно, чем у отца. Всё, что знал отец, она выучила без остатка.

Шло время. Тосикагэ разорился и не мог растить дочь в роскоши, как ему хотелось. Когда ей исполнилось двенадцать-тринадцать лет, только и было разговоров, что об её красоте. Внешность её ослепляла всех, слухи об утонченности её души ходили постоянно. Император и наследный принц заговаривали с отцом, чтобы она во-

шла к ним во дворец, и даже посылали письма самой девушке, но Тосикагэ на эти предложения не отвечал и дочери отвечать на письма не разрешал. Что же до посланий более низких персон - высших сановников и принцев - то она их писем вовсе не читала.

- Дочь моя, поручи себя провидению. Если будет на то воля неба, быть тебе и фавориткой императора, и матерью государя. Если же на это воли неба нет, быть тебе женой кого-нибудь из подлого люда, живущего в горах. Я человек бедный, неимущий. Как же мы можем быть связаны со знатными людьми? - говаривал ей отец, и хоть благородные господа и горели желанием жениться на его дочери, он этих разговоров не слушал.

Ворота его дома были обычно закрыты. Нарочные, принесшие письма от императора и наследника, и посыльные от других особ стояли у ворот до рассвета, но никто к ним не выходил. Хотя Тосикагэ проводил всё время в занятиях с дочерью и не нес никакой службы, его назначили главой Министерства гражданской администрации и Министром сайсё.

В год, когда девушке исполнилось пятнадцать лет, во втором месяце неожиданно скончалась её мать. Девушка ещё горько оплакивала потерю, как заболел её отец. Вскоре он совсем ослаб и позвал дочь к себе.

- Раньше я хотел, чтобы ты занимала высокое положение в этом мире, - сказал он, - но в молодости я отправился в неизвестную страну, а когда возвратился на родину, императору уже служить не стал. Проходило время, я обеднел, и теперь уже не могу устроить твоего будущего. Я поручаю тебя провидению. Мои поместья и земли обширны, но вряд ли кто-нибудь будет свидетельствовать в твою пользу. Найдётся ли кто-нибудь, кто будет специально приходить к тебе, чтобы дать отчёт? Нет, после смерти я оставлю тебе сокровище, которое вечно будет только твоим.

Он велел ей поклониться к нему и поведал тайну:

- В северо-западном углу нашего дома на глубине всего в один *дзё* я зарыл два кото, похожие на те, на которых мы играем. Одно из них в парчовом мешке, другое в мешке из заячьей шерсти. Со всех сторон я укрыл их ветками аквилярии. То, что в парчовом мешке, называется нан-фу, а то, что в мешке из заячьей шерсти, называется хаси-фу. Помни же о моём наказе и ни в коем случае никому их не показывай. Я думаю, что подобных кото нет во всём мире, это сокровище на веки вечные. Если ты будешь счастлива, то, играя на них, достигнешь вершины блаженства; если несчастлива, то музыка смягчит твою горе. Игра на этих кото определяет судьбу. Если попадешь ты к диким зверям: тиграм, волкам, медведям, - и

захотят они пожрать тебя, если будешь окружена злыми воинами, если настигнут тебя самые ужасные несчастья, тогда играй на этих кото. Когда будет у тебя ребёнок, следи за его характером до десяти лет. Если будет он умён, сообразителен, душой совершенен, если будет внешне и внутренне превосходить окружающих, тогда передай их ему.

После того, как сделал он это завещание, жизнь его оборвалась. Вскоре умерла и кормилица.

Оставшись одна, девушка страдала душой и телом. Проходило время. Доходов не было никаких. Слуги её покинули. Каждый день уходил кто-нибудь из них, и скоро осталась она одна, совершенно беспомощная. Всего боясь и стыдясь своего положения, девица не хотела, чтобы кто-нибудь знал о её существовании, и пряталась от людей. Прохожие, глядя на её дом, думали, что он необитаем, разбирали и по частям растаскивали строения. Вскоре от всех построек осталось только главное помещение, и даже галерея вокруг него исчезла. Всё вокруг заросло, как дикое поле.

Девица позвала к себе жить служанку своей покойной кормилицы, которая жила в бедном доме. Когда её отец был жив, случалось, что оброка с его земель не платили и надо было специально посылать кого-либо для его сбора, а сейчас, когда она дошла до крайней нищеты, даже этот оброк оставался у управляющих, к вящему их удовольствию. Исчезли даже мелкие личные вещи, которые спрятали тогда, когда скончались её родители. Совершенно неопытная в житейских делах, девица проводила дни в тоске, весной глядя на цветы, а осенью на листья клёна. Ела она, если её кормила служанка, а если нет, то не ела. Почти всё, что было некогда в обширной усадьбе, исчезло, кроме ширмы и экрана, за которыми мог спрятаться только один человек. Отец её был человеком уточнённым, с большим вкусом, поэтому дом их когда-то был необычаен и красив: просторные помещения, красиво разбитый сад, и даже трава казалась не такой, как везде. Но сейчас за садом никто не следил, и когда наступило лето, весь сад зарос полынью и хмелем. Никто барышню не навещал, так она и жила в одиночестве. Когда пришла осень, она смотрела на меняющиеся цвета трав и листвы, и грусть её была бесконечна.

"Днём и ночью я одна
И гляжу в тоске
Лишь в пустые небеса.
Так веду я счёт
Уходящим месяцам", -

бормотала она одна-одинешенька, глядя в небо.

Наступил восьмой месяц. Двадцатого числа Великий министр отправился в храм Камо служить молебн. Туда потянулось торжественное шествие. В установленном порядке двигались танцовщики, певцы, музыканты - исполнители священных песен и плясок кагура, и огромное число слуг. Когда барышня заметила перед своим домом эту движущуюся толпу, она приблизилась к развалившимся ставням и стала смотреть, как проходили музыканты, проезжали коляски. В сопровождении многочисленной свиты показались два молодых господина. Одному было лет двадцать, второму не больше пятнадцати. Он был в том возрасте, когда носят прическу *унаи*²⁶ и блистал красотой, как драгоценный камень. Это был Канэмаса, четвертый сын Первого министра. Отец любил его беспредельно и ни на мгновение не спускал с него глаз. Все звали юношу Молодым господином.

Когда он проходил перед домом Тосикагэ, он повернулся к прекрасным цветам китайского мисканта, разросшегося у изгороди дома, и окликнул того, кто был постарше. Тот посмотрел и воскликнул:

”Эти цветы так и влекут к себе!
Показалось мне:
Кто-то машет рукавом,
Манит меня в дом...
Нет, то мисканта цветы
Ветер взволновал.”

Он двинулся дальше, а Молодой господин со словами:

”То не ветер взволновал
Мисканта цветы.
Это кто-то в глубине,
Рукавом боясь взмахнуть,
Тайно знак мне подаёт”, -

приблизился к изгороди, сорвал цветок и в этот миг увидел барышню.

”Как она прекрасна! И живёт в таком унылом месте...” - подумал он, глядя на её удаляющуюся в дом фигуру. Её походка была удивительно грациозна. Он весь был охвачен ощущением её прелести, но сейчас он был не один и волей-неволей должен был двинуться дальше.

Однако в храме, во время исполнения священных песен кагура, он всё время думал о ней: "Кто она такая, эта девушка, которую я видел днем? Как бы мне встретиться с ней!"

Было уже темно, когда отправились в обратный путь. У дома Тосикагэ Молодой господин отстал от свиты, и когда шествие скрылось, подошёл к дому и стал его разглядывать через изгородь. Осенний вечер был тих. Было видно, что сад разбивал человек с тонким вкусом, неторопливо, вкладывая в это душу. Даже заросший, как дикая чаша, сад выглядел очень изысканно. Прекрасны были и деревья, и ручьи. В зарослях полыни и хмеля источали аромат осенние цветы, в широком пруду красиво отражалась луна. Не испытывая никакого страха, юноша вошёл в эти чудные заросли.

В ветре, дующем с Кавара²⁷, чувствовалась прохлада осени. В густой траве раздавалась разноголосица насекомых. Яркая луна была прекрасна. Не было слышно никаких голосов. Он думал о живущей здесь девушке и произнёс про себя:

"В диких зарослях травы
Даже голоса цикад
Так унылы... неужели,
Схоронившись от людей,
Здесь она одна живёт?"

Молодой господин пробрался к дому через высокую траву. Никто навстречу ему не вышел, и только мискант чарующе манил его. В свете луны всё было ясно видно. Юноша подошёл совсем близко к дому, и, открыв с восточной стороны решётку между столбами, увидел в помещении фигуру девушки, играющей в одиночестве на кото. Заметив его, дочь Тосикагэ тотчас поднялась и скрылась в глубине.

- Не успели ещё налюбоваться тобой, о луна²⁸, - произнёс он и, оставаясь у решетки, обратился к ней: - Кто вы? Почему живёте в этом доме? Как ваше имя? - но девушка ничего не отвечала.

В глубине комнаты, куда она ушла, было темно. Он не мог понять, как ему войти. Луна в это время скрылась в облаках, и Молодой господин произнёс:

"Яркая луна
Путника манила вдаль.
Но исчезла за горой.
Он стоит во мгле один,
Грудь его щемит тоска".

И ещё:

”Без следа за цепью гор
Скрылся от меня
Блеск луны, что вдаль манил.
Горько плачу. Где же мне
На ночлег склонить главу?”

Наконец, он вошёл в дом и, идя за девушкой, очутился в гардеробной. Он опять обратился к ней, но опять не получил никакого ответа.

- Как страшно! Скажите же мне что-нибудь, - просил он её. - Знайте, что не легкомыслие привело меня сюда.

Увидев, что он очень мил и совсем ещё юн, девушка, вероятно, подумала, что это совсем ребёнок, и произнесла чуть слышно удивительно нежным голосом:

”В жарком воздухе подёнка
Промелькнула. И кто знает,
Кончен век её иль нет?
Я живу. Но сколь отрадней
Мне покинуть этот мир”.

Она глубоко задумалась, и он решился прервать молчание:

- Почему вы живёте здесь, в таком печальном месте? Из чьей вы семьи?

- К чему вам знать мое имя, - ответила девушка. - Моя жизнь - сплошная мука, ко мне никто никогда не заходит. Ваше посещение так неожиданно!

- Но ведь говорят, что и далёкое постепенно становится близким, а неопределённое становится прочным. Вы так грустны! Я не мог пройти мимо. У вас нет родителей, и вы, вероятно, несчастны. Кем был ваш отец? - говорил юноша.

- Никто не знал моего отца, и если даже я назову его имя, оно вам вряд ли что-нибудь скажет, - ответила она и очень тихо заиграла на кото, что было возле неё.

Слушая, он поразился: ”О, как прекрасно она играет!”

Так они говорили между собой. В ту ночь Молодой господин домой так и не возвратился.

Он полюбил её сразу, как только увидел грустный её облик, а сейчас, сидя с ней бок о бок, он чувствовал, что любовь его возросла в тысячу раз, что он любит её всей душой. Ни о чём другом он

не помышлял, как быть с ней, и в родительский дом возвращаться вовсе не собирался. Однако он был баловнем семьи, и если родители теряли его из виду хотя бы на миг, то начинали беспокоиться. Но сейчас, когда он узнал девушку, он не мог разлучиться с ней даже на мгновение. Он чувствовал, что как только он уйдет от неё, он будет мучиться тоскою. Терзаясь мыслью о ней и о родителях, он сказал:

- Не будь равнодушна ко мне. Наша встреча была предопределена судьбой. Я не могу жить без тебя, но у меня есть отец, которого ты, должно быть, сегодня видела. Он не отпускает меня от себя ни на миг и беспокоится обо мне даже тогда, когда отправляется в императорский дворец. Как же он должен волноваться теперь, когда я со вчерашнего дня нахожусь здесь. Сегодня я пробрался сюда тайком, меня никто не видел. Я не смогу навещать тебя так часто, как мне хотелось бы, но как только улучу возможность, я буду приходить ночью или на рассвете. Но действительно ли ты так здесь и живёшь? Живы ли твои родители? А может быть кто-нибудь регулярно навещает тебя? Откройся мне во всём.

При этих словах её охватил такой стыд, что долго она не могла ничего ответить.

- Если бы мой отец был жив и если бы навещал меня кто-нибудь, разве оставалась бы я здесь хоть на один час? - наконец произнесла она. - Нет у меня никого, и вряд ли мне суждено что-либо иное, как истлеть здесь.

- Кто был твой отец? Если я при всём своём стремлении к тебе не смогу прийти сюда, я буду постоянно думать о тебе.

- Отца моего никто не знал, и если даже я назову его имя, оно тебе ничего не скажет, - с этими словами она коснулась струн кото, которое стояло рядом с ней, и горько заплакала. Весь её облик был очень печален.

Он клялся ей глубокими клятвами. Мысль, что он никогда больше её не увидит, мучила его всё более и более.

Рассвело. Беспокойство его возрастало: он не мог больше здесь оставаться, он боялся, что в доме у него подняли тревогу.

- Что же мне делать? - восклицал он. - Я хотел бы и сегодня остаться с тобой, но отец даже в доме ни на мгновение меня от себя не отпускает, а если выходит из дома хоть и ненадолго, обязательно берёт меня с собой. Вчера я плохо себя чувствовал и не хотел идти в храм Камо, но он приказал мне. Сейчас я понимаю, что всё это было для того, чтобы я встретился здесь с тобой. Не думай, что я непостоянен, но приходить мне к тебе будет трудно.

Девушка на это тихо произнесла:

”Осенью с тоской
Слушаю я ветра шум
В диких зарослях травы.
Сколь печальней будет здесь,
Как засохнет вся трава!”

Вдвойне тяжело стало при этом Молодому господину, задумался он и печально произнес:

”Засыхают листья трав
Каждой осенью, но их
Корни под землей живут.
Не забуду я траву,
У дороги что растёт”.

- Пусть Будда будет мне свидетелем, - продолжал он. - Не думай, пожалуйста, что я отнесусь к тебе с пренебрежением. Хотя мы и расстаёмся, но чувства мои к тебе на этом не прервутся. Как только рассеются подозрения родителей, я снова приду к тебе.

Он встал и направился к выходу, но почувствовал себя настолько несчастным, что не мог переступить порога. Закрыв лицо рукавом и заливаясь слезами, Молодой господин произнёс:

”Лишь подумаю о том,
Что приходит час
Мне покинуть сей ночлег,
Слёзы градом из очей,
Сердце рвётся на куски”.

Она же, тоже плача, на это ответила:

”Если от него
Даже слова прощанья
Я не услышу больше,
Что останется мне,
Над чем бы я слёзы лила?”

При этих словах ему показалось, что сердце его разрывается, но уже давно пора было ему уходить, и, повторив вновь свои клятвы, он покинул её .

Даже в своём доме Молодой господин шага не делал без сопровождения многочисленных слуг, а сейчас он был один и не знал, по какой дороге идти. К тому же, он только что оставил свою любимую. Некоторое время он брёл, ни на что не обращая внимания. Когда он, наконец, огляделся, то увидел, что стоит на каком-то перекрестке.

Итак, Молодой господин всю ночь отсутствовал, и в доме его Первый министр нещадно бранил слуг и старшего своего сына, помощника штаба императорской гвардии Тадамаса.

- Если ты сейчас же не разыщешь его, ты не будешь больше моим сыном. Как ты мог быть столь легкомысленным? - говорил он ему. - Больше вам не служить здесь, - кричал он на слуг из свиты Молодого господина, - я заточу вас в тюрьму! - и приказал их связать. Он был в ужасной тревоге и в страшном гневе.

- Мы пойдём на поиски Молодого господина, - обратились к нему слуги, - и если не найдём, рубите нам головы. -

Они разделились на группы по десять-двадцать человек, вышли из дворца и искали всю ночь по всем дорогам. Брат пропавшего, Тадамаса, и его дядя, второй начальник гвардии, каждый взяв с собой около тридцати человек, вознеся молитвы, отправились искать на дорогах, ведущих к храму Камо. На перекрёстке Третьего проспекта и проспекта Кёгоку Тадамаса увидел своего брата.

- Как мог ты доставить нам столько хлопот? - бросился он к нему. - Со вчерашнего вечера, как только обнаружили, что тебя нет, батюшка и матушка не могут ничего есть, пребывают в страшной тревоге, а слуг из твоей свиты нещадно бранили и лишили места. И меня упрекали, что я пустой человек! Вчера все пили вино и все слуги были пьяные. Где ты отстал от нас, никто не заметил. И только когда возвратился батюшка, выяснилось, что тебя нет. Всю ночь напролёт родители тревожатся о тебе, совсем покой потеряли. Если они беспокоятся о тебе, даже когда ты дома, подумай сам, что с ними творится сейчас. Каким образом ты отстал от нас? Где ты был?

- Меня все бросили, - отвечал Молодой господин, - и я остался, как отставший от стаи гусь.

- А не было ли поблизости какой-нибудь гусыни, за которой ты помчался вслед? - рассмеялся старший брат. - Ты что, так и стоял здесь со вчерашнего вечера, как статуя бога-покровителя путников? Ладно, как бы там ни было, поспешим домой, ведь отец и мать ужасно тревожатся.

Они вместе отправились домой. Всю дорогу Молодой господин терзался воспоминаниями о любимой. Войдя в дом Тадамаса объявил:

- Наконец-то мы отыскали Молодого господина.

Радости министра не было границ. Радовались и все слуги, которых до того жестоко ругали и грозились выгнать.

- Как и для чего ты остался там? - укорял сына Первый министр. - Когда это ты научился тайком отлучаться из дома? Ты поступил опрометчиво, заставил меня беспокоиться.

- Окрестности Кавара кишат грабителями и убийцами, - говорила супруга министра, - ты был там один, - что, если бы тебя убили? Ты ведь слаб, чтобы защититься от них. Если и дальше так пойдёт, тебя не примут на дворцовую службу. Разгуливая один, ты, чего доброго, захочешь убежать от нас. Не смей больше удаляться от меня!

Отныне, когда Первый министр уходил в императорский дворец, она всё время держала сына возле себя, не сводя с него глаз.

Душа Молодого господина горела любовью.

"Ах, если бы переслать ей хоть коротенькое письмецо! Ах, если бы можно было пойти туда хоть на миг!" - вздыхал он.

Но надзор над ним был очень строг, и ему оставалось только сокрушаться днём и ночью. Никто кроме него не знал, где живёт барышня. Он хотел послать туда кого-нибудь с письмом, но объяснить дорогу не смог бы: он сам её точно не помнил. Отец и брат подозревали неладное и пытались расспросить его, но он не хотел открыться им. Он не мог послать даже слугу на розыски девушки. Он всё время вспоминал клятвы, которыми они обменялись, и думал о её жалком положении. Смотрел ли юноша на травы и деревья или поднимал глаза к небу, он думал только о ней. Мысли его всегда летели к любимой, но рядом с ним не было никого, кому бы он мог их поведать, и он таил их в сердце.

После промчавшегося, как сновидение, свидания барышня была уже не той, что прежде²⁹, но она ничего не понимала. Страдая в своём жилище, она тосковала по родителям и вспоминала пустые обещания своего милого. Проливая слёзы, смотрела она, как желтеют и краснеют трава и листья на деревьях, как опадает листва. Увидев однажды молнию, девица произнесла:

"Всё могу увидеть я.

Редкой гостьей в облаках

Даже молния сверкнула!

Не осталось ничего

С чем мне милого сравнить".

Ей никто не ответил.

Однажды вечером Молодой господин, маясь в тоске, слушая завывания ветра и стрекотание цикад, подумал:

"Как грустно шумит ветер! Как сильно дует он, верно, в Ка-вара, где я был когда-то!"

Он сложил такое стихотворение:

"Ветер дует с гор,
Звон цикад
Громко слышится в саду.
Мыслями лечу
Я в заброшенный твой дом".

Наступил десятый месяц. Выглядывая во двор и поднимая глаза к морозящим небесам, он сравнивал их со своими рукавами, мокрыми от слёз. Высоко над ним летели журавли, перекликаясь бесконечно печально. Слушая их крики, Молодой господин тосковал ещё более.

"Горько слёзы лью,
Слыша крики журавлей.
Если бы я мог лететь
Вслед за ними в те края,
Где тебя увидел я!

"Как это печально! - бормотал он. - Как я хочу увидеть тебя ещё раз в каком-нибудь из миров!" - но даже во сне не находил к любимой дороги³⁰. Так проходили дни и месяцы. Не имея возможности её видеть, Молодой господин только плакал.

На проспекте Кёгоку ветер дул свирепо, иней покрывал землю, снегом заносило дом и сад. Однажды долгой ночью, очнувшись от глубокой думы, дочь Тосикагэ заметила, что рукав её платья покрылся льдом, и сложила такие строки:

"Слёзы, что горько лила,
Ночью замёрзли,
И лёд сковал рукава.
Кажется мне, это милый
Связал их на верность"³¹.

Наступила весна. Глядя, как зазеленело дерево кацура, ветку которого Молодой господин, поклявшись ей в любви, обломил, уходя от неё, она подумала:

”Вновь зеленеет
Ветка, что ты обломил,
Меня покидая.
О, если б и ты
С весною вернулся ко мне!”

Проходили дни и месяцы. Уже приближались сроки рожать, но что с ней - она по-прежнему не понимала. Наступил девятый месяц. Как-то служанка принесла ей поесть. Подозрительно глядя на неё, она спросила:

- С чего это вы так изменились? Уже не вели ли вы задушевных речей с каким-нибудь мужчиной?

- Обмениваться клятвами я могла только с хмелем да полынью, что растут вокруг, с кем же ещё? - ответила барышня.

- Замолчите! - воскликнула служанка. - И в шутку вы не должны так говорить! Не скрывайте ничего от меня. Я уже давно заметила, что с вами, но только не решалась спросить. Кто ваш мужёк, вы и сами, наверное, не знаете. Скажите мне, с каких пор у вас прекратилось кровотечение? Видно, уже вот-вот рожать? Почему вы не хотите, чтобы я помогла вам?

- Что за глупости ты говоришь! - ответила барышня. - Ты спрашиваешь, что случилось со мной? Вот уже девять месяцев, как нет у меня того, что бывало всегда. Но я думала: раз так, значит, так и должно быть, и не беспокоилась.

- Ребёнок, значит, должен родиться в этом месяце, - сказала служанка. - Как же вы, видя, как вы изменились, так до сих пор ничего и не поняли! Что станет с вами, когда я умру? Я должна беречь свою никчёмную жизнь, чтобы служить вам.

”Вот оно что!” - подумала барышня. Тяжело стало у неё на сердце, охватил её стыд, и она заплакала.

- Коль уж случилось, тут ничего не поделаешь! - бросилась утешать её служанка. - Я-то с вами, и вам ничего не надо бояться. Пусть разверзнется земля и обрушатся горы, я всё равно буду служить вам. Вы не знаете, каким сокровищем будет для вас этот ребёнок (...). Когда вы его родите, я во всём буду помогать вам, хоть мне и трудно. Пусть даже из костей и из пепла, но достану молоко для младенца! Для него я превращу в серебро и золото пряди белых волос! Не убивайтесь, не тоскуйте! Выполните только обряд очище-

ния и вознесите молитву богам и Будде, чтобы они сделали роды легкими. И молитесь, чтобы я была жива, - так говорила она, тоже заливаясь слезами.

Служанка пораскинула умом. В глухой деревне была у неё дочь. Она отправилась к ней и, не посвящая её в подробности, попыталась раздобыть всё, что нужно при родах. Возвратившись она, как ни в чем не бывало, спросила:

- Ну, что произошло, пока меня не было? Как же нам быть? Есть ли что-нибудь в доме, что можно обменять на необходимые вещи?

- Ничего у нас больше нет, - отвечала девица. - Да и что можно обменять?

- Неважно - что, - сказала служанка. - Продать можно всё, что угодно, а на вырученные деньги купить то, что нам нужно.

Дочь Тосикагэ нашла великолепное седло, когда-то привезённое из Китая, и спросила:

- Купит ли его кто-нибудь?

- Это можно выгодно продать, - отвечала, поглядев, служанка и спросила нет ли ещё чего-нибудь.

- Вроде бы ничего больше не видно, - отвечала барышня.

Служанка отнесла седло в богатый дом, где его могли купить, получила за него большие деньги, купила платье и полотно и приготовила всё, что было нужно. Провизии же в доме было совсем мало, и служанка была вся в заботах, чтобы сделать хоть какие-нибудь запасы. Сидя в запущенном доме, заросшем травой, дочь Тосикагэ днем и ночью проливала слёзы и вовсе не думала о том, что ей предстояло, а служанка носилась туда и сюда и готовила, что нужно.

Шестого дня шестого месяца подошло время рожать. Начались схватки. Служанка, тревожась об исходе, возносила горячие молитвы буддам и богам. Без больших мучений дочь Тосикагэ родила мальчика, блистающего красотой, как драгоценный камень. Служанка взяла его и крепко прижала к своей груди.

Все заботы о младенце служанка взяла на себя. Она приносила его матери только тогда, когда надо было кормить, а остальное время носила его на спине и усердно за ним ухаживала. Мать после родов не болела и скоро поднялась.

Стояла жаркая пора, самое лучшее время года для бедняков.

- Родиться летом - к большому счастью и богатству, - говорила служанка, гордая, что в доме такой ребёнок. - Вот нам тепло и без одежды.

Но мать всё чаще и чаще погружалась в печальные думы, и даже теперь, сама став матерью, тосковала о своём отце. Глядя, как рос её сын, подобный сверкающей драгоценности, она думала с тоской: "Если бы был жив батюшка, с какой любовью он бы его воспитывал!"

- Если бы покойный господин был жив, - говорила служанка, - рос бы ваш сынок весь в шелку и парче.

- В своё время так это и было! Но думать об этом - ещё горше. Когда отец заботливо воспитывал меня, кто думал тогда, что я окажусь в такой нищете? - говорила молодая женщина и горько плакала. - Глядя с небес, до какого положения я дошла из-за прегрешений в прошлой жизни, отец, верно, думает обо мне, как о никчемном существе. Ах, если бы я умерла раньше него!

- Ну что за глупости, - принималась бранить её служанка. - И думать об этом не смейте! Сердце ваше теперь должно успокоиться. О чём вам горевать, имея такое сокровище? На днях видела я нашего Мусимицу³² во сне. Снилось мне, будто ястреб-перепелятник опускает перед вами светло-голубую нить, вдетую в очень красивую, блестящую гладкую иглу для потайного шва и затем скрученную слева направо. Нитка длиной эдак в руку. А рядом стоит очень умный аскет, кожа да кости. Берёт он эту иглу и проворно вшивает до половины нитку в перед вашей юбки. И тут ястреб, который эту иглу бросил, вроде бы её ищет, вокруг кружит и высматривает, а как увидел, что она у вас, садится к вам на рукав и уже не улетает. Вот что я видела. Чудно мне это показалось и отправилась я к толкователю снов. "Это сон чрезвычайно счастливый. Женщина, которую ты видела во сне, родила ребенка, который станет важным сановником, и в конце концов от этого ребёнка она получит много милостей. И их разлучит только смерть", - напороочил он. Если так, то это начало вашего процветания. Я много видела снов, и если снится иголка, то это к ребёнку очень умному, к родителям почтительному. Когда я должна была родить свою дочь, что живёт сейчас в провинции Тамба, я видела сон, будто беру я кусок шёлка из провинции Синано, вытягиваю из него нитку, ловко вдеваю её в иголку с большим ушком и начинаю шить себе платье. К чему бы такое снилось? А к тому, что дочь моя счастлива и что я живу её милостью. В прошлом месяце ходила я к ней поговорить и о ваших делах, и принесла белого риса три *то* и пять *масу* ³³, а неочищенного риса - семь *то*. Вот мы и выкрутились! О чём нам беспокоиться? Не рассуждайте как ребёнок. Разве вам пятьдесят или шестьдесят лет? Глядя на вас, и не скажешь, что у вас самой

уже ребёнок. Незачем вам думать о смерти. Незачем тосковать о прошлом. Много на свете людей, которые живут ещё хуже вас. Какая жалость! Для чего дана вам такая красота?

- Зачем ты так беспокоишься? - возразила молодая мать. - Я не замышляю того, о чём ты думаешь.

- Не надо вам убиваться, - сказала служанка. - Может быть, в этом замысел Будды и богов. Не надо говорить, что уже конец света, нельзя утверждать бездумно, что всё преходяще. Ведь такой сынок, как у вас, - истинная драгоценность.

И она действительно заботилась о нём, как о драгоценности.

Так жила дочь Тосикагэ, проводя дни и ночи в слезах, и пусто проходили её дни и месяцы. Доходов не было никаких, служанка продавала мелкие вещи, которые ещё были в доме. Тем и жили. Проходило время, и только увеличивалось море слёз.

Когда мальчику исполнилось три года, летом отняли его от груди. Мать забеспокоилась:

- Как, сын мой теперь не будет пить молока? - говорила она. - Нет, пей. Нельзя, чтобы ты страдал. Если ничего другого не есть, да ещё не пить материнского молока, что же с тобой будет?

- Нет, нет. Больше ему молока пить не надо, - настаивала служанка, и в конце концов мать подчинилась.

Ребёнок рос очень быстро. Был он необычайно красив. О чём бы он ни слышал, что бы ни видел, этого он уже не забывал. Его сообразительности и уму не было пределов. Ещё ребенком он не совершал ничего такого, что могло бы огорчить мать, и уже понимал, что родителей надо почитать.

Осенью того года, когда исполнилось ему пять лет, служанка умерла. Без неё ни мать, ни сын не могли достать себе никакой пищи. Проходили дни. Они ничего не делали. Сын выходил из дому погулять в окрестностях. Он знал, что мать ничего не ест, и очень об этом печалился.

"Как же накормить её?" - думал он упорно, но он был слишком мал, чтобы чем-нибудь заняться.

Однажды рано утром вышел он к реке, что текла поблизости, и увидел, как рыбак удил рыбу.

- Что это ты делаешь? - спросил он.

- Родители мои больны, им нечего есть, вот я и хочу дать им рыбы, - ответил рыбак.

- Я тоже могу наловить рыбы для матушки", - подумал мальчик. Сделав крючок, этот ребёнок, необычайно красивый, вышел на широкую реку и начал удить.

Прохожие, видя его, думали: "Кто этот прелестный ребёнок, который один забавляется на берегу реки?" - и спрашивали его:

- Что ты тут делаешь?

- Я играю просто так, - отвечал мальчик.

Ребёнок был так мил, что люди подумали:

"Наловим-ка мы для него рыбы!"

Они наловили много рыбы, и мальчик отнес её домой.

- Не делай этого больше! Я хоть и не ем ничего, но не страдаю от этого, - сказала ему мать, но он её не послушался и продолжал удить рыбу.

С каждым днем красота его становилась всё ослепительней. Когда он удил на реке, многие брали его на руки, ласкали и говорили:

- Есть ли у тебя родители? Будь нашим сыном!

- Нет, у меня есть матушка, - отвечал он и уговоров не слушал.

Пока было тепло, он ходил на реку и кормил мать. Она жила, как во сне. Питалась она лишь тем, что приносил ей сын.

Но вот наступили зимние холода, и он уже не мог ловить рыбу.

- Что же я принесу матушке? Как же быть? - терзался он.

- Я ходил ловить рыбу, но вся река покрыта твёрдым льдом, и рыбу ловить нельзя. Матушка, что же мы будем делать? - сказал он, возвратившись домой, и заплакал.

- О чём ты печалишься? - стала утешать его мать. - Не плачь! Когда лёд растает, ты опять сможешь ловить рыбу. Я и так много её съела!

На следующее утро он вновь пошёл в Кавара. Там было много народа, разъезжало много колясок. Когда все разошлись, он увидел, что река покрыта льдом, как зеркалом.

- Если в действительности я исполнен сыновней добродетели, то пусть растает лёд и появится рыба. Если же нет во мне сыновней добродетели, то рыба не появится! - воскликнул он, плача.

Вдруг лёд растаял, и большая рыба выпрыгнула из воды прямо ему в руки³⁴. Он отнёс её домой и сказал матери:

- Я истинно добродетельный сын!

Однажды он разгребал глубокий снег, и руки и ноги его стали красными, как клешни у рака. Когда он прибежал домой и мать увидела это, печаль охватила её и из глаз полились слёзы.

- Зачем ты выходил из дома в такой холод? Не выходи, пока так холодно! - плакала она.

- Мне вовсе не больно... Я думаю только о тебе, - отвечал он.

Остановить его было нельзя. Пойманная рыба на вид была совершенно обыкновенной, но превратилась в сотню разных яств. Каких только чудес не бывает на свете!

Наступил новый год. Мальчик подрос и стал ещё умнее. Поскольку он был бодхисаттвой в образе человека, он казался совсем взрослым. Многие, видевшие его, говорили:

- Чей это ребёнок? Кто его родители? Он, по-видимому, живёт где-то неподалёку, - и пытались найти его дом.

Могло стать; они и обнаружили бы их жилище, поэтому он старался не попадаться никому на глаза.

"Разве только в этой реке водится рыба?" - подумал он как-то и спустился вниз по реке, переправился через неё и пошёл к северу. Он вошёл в горы и увидел, как какой-то отрок роет землю, что-то достаёт оттуда и печёт найденное на огне, а под большими деревьями собирает жёлуди и каштаны.

- Для чего ты пришёл в эти горы? - спросил он внука Тосикагэ.

- Я пришёл сюда, чтобы ловить рыбу. Хочу отнести её домой, матушке.

- В горах рыба не водится, - сказал отрок. - К тому же, убивать живые существа грех. Собирай вот это и ешь, - и дав ему то, что собирал сам, исчез.

Мальчик обрадовался, отнёс всё домой и накормил мать. После этого он ходил в горы, отыскивал, как научил его отрок, батат и ямс, собирал плоды деревьев, выкапывал корни багрянника и кормил мать. Однажды в сильный снегопад он не мог отыскать батат и ямс, даже плоды деревьев были под снегом. Тогда мальчик сказал:

- Если нет во мне сыновней добродетели, то пусть валит снег ещё больше!

И снег, который валил сплошной пеленой, вдруг прекратился, ярко засияло солнце, появился тот же самый отрок, испёк батат и ямс, отдал их ребёнку и исчез³⁵.

Каждый день ходить так далеко в горы мальчику было не по силам, и как-то он подумал: "Вот если бы мы и жили в этих горах! Всё было бы у нас под рукой!"

Он зашёл глубоко в горы. Вдруг на глаза ему попались четыре огромных дерева криптомерии, стоящих так близко друг от друга, что ветви их переплетались. Увидев в одном из них дупло с большой комнатой, мальчик подумал: "Вот если бы мы поселились с матушкой здесь! Я бы собирал плоды деревьев и приносил бы их ей без промедления".

Он подошёл к дуплу. В нём жили грозные медведи с детёнышами. Звери выбежали из дупла и собирались пожрать мальчика, но он воскликнул:

- Подождите немного! Не лишайте меня жизни! Я почтительный сын своей матери. У неё нет ни братьев, ни сестёр, слуг тоже нет, живёт она в развалившемся доме и ест то, что я ей приношу. Там, где живут люди, еды не найти, поэтому я прихожу в горы, собираю плоды деревьев, выкапываю корни багряника и отношу матушке. Я поднимаюсь на высокие горы, спускаюсь в глубокие долины, хожу туда и сюда. Я ухожу из дома утром, возвращаюсь затемно, и всё время мать беспокоится обо мне. Она всегда печальна. Не зная, что в дупле этого дерева живёт хозяин горы, я захотел поселить здесь матушку, чтобы, выкапывая клубень батата, сразу же ей его приносить. Так я думал кормить её. Ведь матушке очень трудно было бы каждый день проделывать со мной такую дальнюю дорогу, а сидеть в бездействии и ждать меня целыми днями - тоскливо, поэтому я, думая поселить её поближе, отыскал это дупло. Но раз им владеете вы, я уйду отсюда. Если же я погибну, мать моя тоже умрёт. Если есть во мне что-нибудь, что не нужно для того, чтобы я мог кормить мать, я вам это отдам без сожаления. Если лишусь я ног, как я буду ходить? Если останусь без рук, чем буду собирать плоды деревьев, выкапывать корни багряника? Не окажется у меня рта, как буду дышать? Нет живота и груди - где будет помещаться сердце? Из всех частей тела бесполезны только мочки ушей и кончик носа. Я почтительно преподношу их хозяину горы, - говорил внук Тосикагэ, заливаясь слезами.

Медведи тоже плакали. Выслушав его, они отказались от своего свирепого умысла, и, тронутые примером сыновней любви, оставили мальчику дупло, а сами, с двумя медвежатами, ушли на другую вершину³⁶. Получив во владение дупло, мальчик ободрал кору с деревьев, расстелил везде мох. Явился отрок, который раньше, выкапывал батат, расчистил всё вокруг дупла. Перед деревьями забил родник. Отрок прокопал ложе для потока, и ручей стал красив. Мальчик был очень рад. Придя домой, он сказал матери:

- Давай-ка перебираться в другое место, туда, куда я хожу за едой. Если бы кто-нибудь навещал тебя, жизнь твоя не была бы столь печальна. Но пока я отсутствую, ты ждёшь меня в одиночестве, и это мучительно. Если ты во что бы то ни стало хочешь жить здесь, мне придётся пойти к кому-нибудь пасти лошадей и коров, и тогда о тебе будут говорить, как о матери холопа. Этого нам не вынести. Лучше нам скрыться в горах, где нет ни души,

чтобы никто не знал о нас. Я хотел бы всё время быть возле тебя и приносить тебе пищу быстро, как птица, - но сделать этого нельзя. Давай перебираться туда, куда я хожу. Если мы будем жить в дупле, я смогу приносить тебе плоды деревьев без промедления. И я не буду каждый день ходить так далеко.

- Может быть, лучше действительно пойти туда, куда ты зовёшь меня? Хоть я и живу сейчас в столице, но кого я вижу, кроме тебя? - сказала мать и решила идти в горы. Дома у них ничего не оставалось. Даже стены вконец разрушились. Вырыла она два кота, о которых говорил ей перед смертью отец, взяла те, на которых обычно играла, и велела нести сыну. Так мать и сын оставили своё жилище.

"Может ли знать малолеток
Пучины и мели
На реке, что слезами я наполняю?
Но всё же теперь у него
Должна спросить я дорогу",

- сложила она, пускаясь в путь.

Наконец, добрались они до дупла. Раньше она слышала, что в глубине гор сплошная непроходимая чаща, но их новое жилище оказалось просторным, и не подумаешь, что это дупло. Перед ними было расчищено около одного *те* ³⁷. Холм был так красив, что походил на искусственную горку в саду. Роща была чудесна - там и сям высились сосны, криптомерии, деревья, покрытые цветами. Фруктовых деревьев было не счесть. Виднелись дубовые и каштановые рощи. Казалось, это уголок был создан самим буддой, и здесь не отказались бы жить даже не такие нищие, как эти мать с сыном.

Перед дуплом, сделать лишь несколько шагов, у бьющего родника высилась прекрасная скала. Маленькие сосенки росли там и сям. Жёлуди и каштаны, падая в ручей, доплывали до самого их жилища. Казалось, здесь обо всём заботились слуги. Не надо было уходить утром и блуждать по горам в поисках еды до самого вечера, Мать с сыном могли спокойно отдыхать. Они получали всё без всяких усилий, как вы да я снимаем крышку с блюд, стоящих перед нами. Так они жили беззаботно.

"Хотела бы я всю жизнь прожить здесь", - думала мать.
Однажды она сказала сыну:

- Теперь, когда у тебя нет никаких забот, я буду учить тебя игре на кото. Меня учил этому мой отец, он считал это великой мудростью. Учись и ты.

Она дала сыну кото рюкаку-фу и учила его, играя сама на кото хосоо-фу. Понимание его было беспредельно. Когда в горах, куда до того времени не ступала нога человека, где не видно было никого, кроме медведей и волков, раздались великолепные звуки, звери, изумлённые тем, что они услышали, собрались у дупла, и на сердце у них было печально. Через высокие травы и гнувшиеся деревья, через крутые перевалы приводили с собой детёнышей дикие обезьяны и с восхищением слушали музыку. Эти обезьяны годами жили в больших дуплах и собирали то, что можно было найти в горах. Восхищённые музыкой, они приводили с собой своих детёнышей и приносили с собой плоды деревьев. Так слушали они игру на кото.

Шло время, и мальчику исполнилось семь лет. Он полностью овладел всеми приёмами исполнения, которым когда-то выучился у семи мастеров его дед, и проводил дни и ночи, играя на кото вместе с матерью. Вглядываясь весной в прекрасные цветы, летом пребывая в прохладной тени деревьев, осенью очищаясь душой возле цветов и под сенью алых листьев клёнов, мать думала: "Буду жить здесь до самой смерти и всю жизнь посвящу игре на кото".

Мальчик выучил решительно всё, что знала мать. Поскольку он был бодхисатвой в образе человека, то в игре на кото он превзошёл даже свою мать, а мать его превосходила своего отца. Обычно при передаче из поколения в поколение музыкальное мастерство хиреет, но в этом роду оно становилось всё выше и выше.

Шло время. Сыну исполнилось тринадцать лет. Он был очень красив, не было в мире никого, кто бы мог с ним сравниться. Он ел корни трав и деревьев, одевался в древесную кору, друзьями его были звери, вырос он в дупле дерева, но своей красотой он затмил бы императрицу и наложниц императора, разодетых в шелка и парчу, которым прислуживали в чертогах из драгоценных камней; он был прекраснее даже небожителей и небожительниц. Удивительным блеском сияли его глаза. Мать его тоже стала необычайно красивой, даже по сравнению с тем временем, когда отец беспрерывно холил её. Всё это время их кормили обезьяны. Звери приносили им всё: воду в больших листьях лотоса, батат, ямс, фрукты, завернув их в листья различных деревьев, - и сердца матери и сына были переполнены глубокой благодарностью.

В тот год жители из восточных провинций двинулись на столицу с целью отомстить врагам. Четыреста или пятьсот воинов в

поисках безлюдного места пришли в этот лес и расположились в нём лагерем. Страшные, дикие люди заполнили всю местность, убивали и ели без разбора птиц и зверей, попадавших им на глаза. Все животные попрятались кто куда, а мать с сыном сидели в дупле и спрятаться им было негде. Они не могли даже нарвать травы и листьев деревьев, чтобы поесть, не могли даже выглянуть из дупла и мучились ужасно. Обезьяны, которые обычно приносили им пищу, жалели их. Они сплели большую корзину из лиан, собрали в нее крупные каштаны, набрали студёную воду в листья лотоса и, улучив время, когда воины спали, принесли матери и сыну. Спавшие под деревьями воины, не зная, что это обезьяны переходят с дерева на дерево, были испуганы шумом листьев. "В этом лесу кто-то живёт", - подумали они. Многие из них стали зажигать огни, кричать, но так ничего и не обнаружили.

Мать тем временем подумала: "Ведь говорил мне отец: когда дойдешь ты в счастья или в несчастья до высшего предела, играй на этих двух кото. Когда увижу я несчастье, большее, чем нынешнее? Ведь что ни говори, в такой опасности я не бывала. Это, верно, и есть последний предел".

Она достала кото нан-фу и начала играть на нем одно из переданных ей отцом произведений точно так же, как когда-то играли его мастера с семи гор. При этих звуках начали падать огромные деревья, вершина горы обрушилась. Стоявшие лагерем воины были погребены под обвалившейся землёй, множество народу нашло там свою смерть, а гора вновь стала неподвижной. Дочь Тосикагэ до полудня играла произведения, которым обучил её отец.

Как раз в этот день император отправился на прогулку в Китано и любовался видом гор. Звучание кото услышал генерал правой стороны, который прислуживал в этой поездке императору: он должен был вести под уздцы его лошадь. Он обратился к своему старшему брату, Правому министру:

- В этих северных горах всё время раздаются какие-то странные звуки. Они похожи на звуки кото, но кажется, что играют на нескольких инструментах. Это должен быть инструмент такой же, как кото сэта-фу из императорского дворца. Пойдём, послушаем поближе!

- Кто же может играть на кото в таких глухих горах? - возразил на это министр. - Это не иначе как проделки лешего. Не надо ходить туда.

- А может быть, это играют маги? Если ты не хочешь, я пойду один.

- Видно, ты и сейчас, как всегда, настоишь на своём, - усмехнулся министр. - Что ж, в путь!

Каждый из них взял с собой только одного слугу, и они отправились в горы. Оставшиеся в живых после землетрясения воины, увидев их, решили, что это императорские посланцы явились схватить их, и все попрятались в долины других гор, - ни одного в этих местах не осталось.

Чем ближе приближались братья к той горе, где жили мать с сыном, тем громче слышались замечательные звуки. Музыка звучала сама по себе, как будто её не играли ни на земле, ни в небесах. Братья слушали её со странным волнением и двигались всё дальше. Вершина перед ними была чрезвычайно высока, и над ней в воздухе реяли звуки кото. Далеко, насколько мог проникнуть их взгляд, простиралась перед ними чаща, и везде раздавались волшебные звуки.

Они приблизились к самой горе, вершина которой касалась неба, и увидели зверей, столь многочисленных, что казалось, вся земля была покрыта их шкурами, как одеялами.

- Ведь говорил же я тебе: не ходи. Здесь так жутко, страшно. Возвратимся-ка поскорее назад, - сказал старший брат.

- Ты рассуждаешь, как ребёнок! - отвечал генерал. - Здесь так прекрасно! Разве существуют горы, в которых не водятся звери? Если бы даже это была гора Дамудоку³⁸, я не так слаб, чтобы дать зверю сожрать меня. А потом, посмотри, разве эти звери намереваются причинить нам какой-нибудь вред? - и, погоня коня, он поскакал вперед.

Он мчался так быстро, будто сидел на облаке, гонимом ветром. Его слуга не мог поспеть за ним и остановился у подножия горы. Конь министра не был так скор, как конь генерала, поэтому и министр нагнать брата не мог и вынужден был остановиться, но вспомнив, как беспокоились когда-то о его брате отец и мать в день посещения храма Камо, он подумал: "Нельзя, чтобы они видели с небес, что я оставил его одного в окружении зверей", - и двинулся было вперед.

Но брат его был генералом и носил за спиной стрелы, - слышно было, как он разгонял зверей. Министр же, будучи сановником гражданским, стрел не носил. Его охватил страх, и он не решился подняться на гору. Генерал преодолел пять горных уступов, проложил себе путь среди лежащих на земле зверей, многочисленных, как раковины моллюсков, и упорно ехал на звуки. Приблизившись к дуплистому дереву криптомерии, он слез с коня и огляделся.

Вокруг росли прекрасные деревья, землю устилал мох, был посыпан песок (...). Он подошёл к дереву и кашлянул, чтобы предупредить о своем приближении. В дупле перестали играть, выглянул подросток и с удивлением посмотрел на необычайно красивого мужчину, стоящего перед ним.

- Удивительно! - сказал он. - Не спустился ли на землю небожитель, слышав звуки нашего кота ?

Живущие в дупле хотели узнать, кто он такой. Из-за мха, образующего как бы штору, слышался женский голос:

- Кто вы? Для чего вы пришли в эти горы, куда не забредает никто и живут только наши друзья: медведи и волки?

"Да, это люди!" - подумал генерал и ответил:

- Мне рассказывали, что в этих горах живут люди, и вот пришёл я поглядеть, правда ли это или пустые слова.

Подросток вышел из дупла и остановился перед ним.

- Мы всё время живём неотлучно в этих горах, и не было ни единой души, кто бы пришёл сюда. Для чего вы пришли? - спросил он.

Он был одет просто, платье его превратилось в лохмотья, но красота его была столь блистательна, что генерал был поражён.

- Сегодня был выезд императора в Китано, - ответил он. - Я был государевым сопровождающим. Услышав прекрасные звуки, я пошёл на них и оказался здесь.

Он отвязал *мукабаки*⁴⁰ и расстелил его на мхе. Он пригласил мальчика сесть, сел сам рядом и спросил, почему они живут здесь:

- Из зверей здесь водятся только тигры и волки, из птиц гнездятся только орлы и фазаны, почему же вы, такой молодой, живёте здесь?

- Перебрались мы с матушкой в эти горы и поселились в дупле, когда мне было шесть лет. С тех пор связь с миром прервалась, и мы ни разу отсюда не уходили. У нас были основания покинуть наш дом, но вряд ли стоит говорить об этом подробно.

- Я пересёк непроходимые кручи, зашёл глубоко в горы, прошёл меж страшных зверей. Вряд ли после всего этого можно принять моё намерение всё узнать за праздное любопытство. Расскажите мне, - стал настаивать генерал.

- Я и сам подробно ничего не знаю, - начал подросток. - Когда я приставал с расспросами к матушке, она рассказала мне всего лишь вот что: "Родители мои скончались в одно и то же время. Никто не навещал меня, жила я одиноко. Как-то раз непостоянный человек зашёл ко мне. Мы говорили с ним так недолго... А потом ты родился". Больше ничего я от неё не слышал.

При этих словах в памяти генерала неожиданно всплыло его давнее приключение в заброшенном доме на проспекте Кёгоку.

- Не можете ли вы рассказать о себе более подробно? Жив ли ваш отец? Странно, - вы говорите, что живёте в этом страшном месте с младенческих лет, но при этом вы совсем не похожи на тот люд, который обычно ютится в подобных местах. Расскажите мне всё без утайки.

- Удалились мы сюда вот почему. В мире у нас не было никакой поддержки, мы никого не знали. Жизнь наша была мучительна, и уже с трёх лет я начал понимать наше бедственное положение. Я хотел как-то кормить матушку, но как? - этого я не знал. Всё время я только думал: "Сейчас мы находимся в положении ужасном. Вот если бы мы жили в горах, где даже не слышно пения птиц!" Проходившие мимо люди могли нас увидеть, всякий мог явиться к нам. Матушка плакала: "Войдут, надругаются над честью моих родителей. Что с нами станет?" Вот тогда-то мы перебрались сюда и живём здесь безвылазно. Мне хотелось привести матушку туда, где растут плоды деревьев, где можно выкопать корни багряника, и так кормить её. Я искал такое место в горах и набрёл на это дупло, - вот так обстояли дела. Я захотел расчистить, прибрать это место. Вдруг явился отрок, расчистил всё вокруг, а когда мы с матушкой поселились здесь, звери стали приносить нам плоды деревьев, корни багряника и кормить нас. Так осуществились мои желания.

- А своего отца вы так до сих пор и не видели? - спросил гость.

- Не видел ни разу. И даже матушка о нём ничего толком не знает. Только и рассказала: "Когда родители мои скончались, я жила в одиночестве. Как-то перед моим домом по пути в храм Камо проходил тогдашний Первый министр в сопровождении свиты. Я выглянула посмотреть и встретила глазами с незнакомым человеком, - это и было причиной твоего рождения. Наступил новый год, а я всё ещё не понимала, что со мной. Как сейчас помню, не сегодня-завтра уже срок, и только тогда бывшая в доме служанка догадалась: "Ах, вот в чём дело". И всё мне объяснила. После нашей встречи человек этот исчез бесследно. Всё оказалось пустым. Я тебе это рассказываю, чтобы ты знал на тот случай, если я умру". Больше я ничего не знаю.

Этот рассказ терзал сердце генерала, но он старался этого не показать. Кроме того, его жёг стыд, и он хотел скрыться глубоко в горах.

- Как всё это печально! Вы и дальше намерены жить здесь? Не хотите ли вы жить, как живут все остальные люди? - спросил он.

- Как отвратителен тот суетный мир! - воскликнул подросток. - Следуя нашей судьбе, мы должны жить в человеческом образе среди отвратительных зверей. Мы дружим с ними, они нас кормят, но нет у нас ни мгновения душевного покоя, каждый день мы думаем: может быть, сегодня они нас сожрут. Так мы и будем, наверное, жить, - в страхе и тоске. Это наказание за грехи, совершённые в прошлом. Грехи, наверное, были тяжёлыми, поэтому нет нам прощения от богов небес и земли. Но мне кажется, жить в том суетном мире - наказание за ещё более тяжкие грехи(...). Я хотел бы сбрить волосы и навсегда оставить мир, - голос его был чист и печален.

На вид ему было всего лишь пятнадцать-шестнадцать лет, красоты он был необычайной. Если бы генерал услышал такое от постороннего человека, он не мог бы остаться равнодушным, а тут... Наконец он сказал:

- Всё, что вы говорите, - совершенная правда, но как можно всю жизнь жить здесь? Даже тому, кто решил сбрить волосы, чтобы стать монахом, нужен наставник. Лишь после этого он может уединиться в горах. Вы думаете, эти невиданные звери никогда не причинят вам вреда? Хотя сейчас они вам помогают... Перебирайтесь-ка в столицу! Если вас растерзают звери, вы вряд ли достигнете просветления

- Если мы переедем в столицу, то жить нам будет ещё труднее, - ведь нет никого, кто бы нам помогал.

- Ну, если я уговорю таких отшельников, как вы, которые навсегда хотят остаться в горах, перебраться в столицу, я уж как-нибудь не оставлю их без помощи.

- Я должен поговорить об этом с матушкой, - сказал отрок и с этими словами скрылся в дупле.

- Пришёл человек, который говорит то-то и то-то. Что ответить ему? - сказал он матери.

- Что ещё может подумать человек, который впервые видит таких людей, как мы, если даже он и презирает их убогое положение? - ответила мать. - А ты сам что думаешь?

- Мы живём в этих горах восемь лет и уже привыкли к несчастьям и печали. Для чего нам уходить отсюда! Я думаю, лучше нам и дальше оставаться здесь.

- Я тоже так думаю. В нашей несчастной жизни теперь уже вряд ли нас ждет что-то радостное. Набредя на наше необычайное

жилище, этот господин был тронут. Но вряд ли намерения его серьёзны.

Выйдя из дупла, сын сказал генералу:

- Моя матушка сказала так: "Теперь уже к чему? Я не хочу вновь окунаться в тот мир. Мне было бы стыдно покинуть эту гору!" У неё нет ни малейшего желания переехать в столицу. Я же один туда никогда не поеду.

Солнце уже клонилось к закату, и генерал сказал:

- Я думаю, что смогу переубедить вас. Мы связаны судьбой. Я ещё приду сюда. Но сегодня я сопровождаю государя, и мне нельзя отлучаться. Если я не буду подле него, меня будут ждать большие неприятности.

С этими словами он поднялся и в это время увидел, как шесть-семь обезьян в чашках, сделанных из листьев различных деревьев, принесли желуди, каштаны, хурму, груши, батат, ямс.

"Так вот как они кормятся!" - с удивлением подумал он.

Обезьяны, увидев незнакомого человека, испугались, положили плоды на землю и исчезли.

Когда генерал, перевалив через горную вершину, скрылся среди зверей, его брат, министр, и его слуга остались у подножия горы и с нетерпением ожидали его возвращения. Наконец, он появился.

- Ну что? - спросил министр.

- Я никого не нашёл, - ответил генерал. - Музыка звучала и в долине и на вершине горы. Когда я поднимался вверх, она неслась из глубины, я спускался в долину, она слышалась из-за облаков. Звери были везде, как раковины на берегу моря, дороги не было, с большим трудом я пробирался между ними. Я хотел идти вперед, но ведь я должен быть при государе, и я вернулся.

- Это, конечно же, был леший! - убеждённо воскликнул министр, и они пустились в обратный путь.

Император, заметив, что их нет, сказал: "Интересно, куда отравились эти шалопаи. Верно, прослышали, что где-то поблизости живут красотки, и помчались туда."

Наконец, император возвратился в своей дворец.

Генерал был Канэмаса, которого когда-то звали Молдым господином, а брат его, который был тогда помощником начальника штаба императорской гвардии, стал теперь Правым министром.

На обратном пути генерала томила печаль. Дома он оставался погружённым в свои мысли. Он не пошёл на женскую половину и думал лишь о том, как бы снова увидеть своего сына. Успокоиться он никак не мог. Он начал прикидывать, куда бы можно было по-

местить мать с сыном. В его дворце на Первом проспекте были различные просторные помещения, но там проживало множество женщин: Сан-но мия, дочь императора-инока, дочери принцев и высших сановников, большое число прислуживающих дам, и генерал подумал: "Здесь слишком шумно, сюда их поместить нельзя".

На Третьем проспекте, около канала Хорикава, у него был большой дворец, который он предназначал в наследство дочери. Он был выстроен уже давно и полностью обставлен.

"Вот туда-то и надо их пригласить", - подумал генерал.

За три дня дворец был совершенно убран. Генерал решил отправиться в горы в сопровождении только двух абсолютно преданных ему людей. Для матери он приготовил верхнее платье, шаровары, плащ, штаны с завязками, а для сына - штаны с шелковыми завязками, охотничий костюм из белого полотна, крашенного травяни, верхнее платье и шаровары, - и сложил всё в мешок. В другой мешок он положил сушёной снеди. Не говоря никому ни слова, пустился он в путь. Он перевалил через страшные кручи и подъехал к дуплистому дереву.

Генерал кашлянул. Подросток, увидев его, сказал матери:

- Опять пришёл тот человек.

- Что же делать? - воскликнула мать. - Кто он? Как странно, что он опять появился!

- На этот раз он пришёл сюда специально, - сказал сын. - Мы не можем спрятаться от него.

Он вышел навстречу гостю.

- Вы не поймёте того, что я хочу сказать, - сказал генерал. - Я хочу поговорить с вашей матерью.

Мальчик передал ей эти слова.

"Может быть, это тот самый человек, который бесследно исчез когда-то? - подумала она. - Как он мог узнать обо мне?"

Женщина не вышла из дупла. Тогда генерал вошёл к ней и сказал:

- Ещё в прошлый раз я хотел открыться тебе, но боялся, что время не пришло для разговора и ты не станешь слушать меня, поэтому не сказал ничего. Это я встретился с тобой в твоём доме по пути в храм Камо. Как я и говорил, тогда меня везде разыскивали, родители мои были в большой тревоге, и когда я пришёл домой, они меня ни на миг от себя не отпускали. "Он что-то замышляет. Не выпускать его из дома!" - распорядились они. Если я отлучался из дома, они сразу же посылали кого-нибудь следить за мной. Я всё время стремился к тебе, но даже письма послать не мог: ведь кроме меня никто не знал, где ты живёшь. Когда скончался мой батюшка,

я пришёл туда, где ты жила, но сад твой зарос ещё больше, стал совсем как дикое поле, и не было ни души, некого было спросить. Всё это время меня терзали мысли о тебе, но я не мог отыскать тебя. Вот как это было, - плача говорил он.

От волнения она не могла произнести ни слова, но совсем не ответить было бы неучтиво, она приблизилась к шторе из мха и произнесла:

- Всё это было так давно! Я слушаю вас, но мне самой всё это ясно не вспоминается. Кажется мне, будто видела я что-то во сне. После пустых клятв родился сын, жить стало ещё труднее. Я думала: "Как бы найти такое место, где бы нас никто не видел!" В конце концов мы и удалились сюда от мира. И хоть я тогда считала, что дошла до крайности в своём бедственном положении, сейчас мне ещё хуже, - горько плача, говорила дочь Тосикагэ.

- Теперь тебе не надо об этом беспокоиться, - сказал генерал. - Я хотел бы, чтобы ты жила, как все, в прекрасном доме. Хоть чувства мои к тебе не изменились, мне грустно увозить тебя отсюда. Я люблю тебя ещё больше, видя, что ты, совершенно отказавшись от мира, поселилась в этом дупле, и что мысли твои стали ещё более глубокими. Мне грустно, что ты вновь должна окунуться в суетный мир. Но так или иначе, я пришёл, чтобы взять вас с собой. Я приготовил для вас дом, не хуже этого дупла. Туда редко кто-нибудь заглядывает, и мы там спокойно поговорим.

- Ваше предложение поистине удивительно, но я уже покинула мир, пришла жить в горы, и теперь мне было бы стыдно менять решение. Но если бы вы взяли с собой сына и дали бы ему воспитание, я была бы спокойна за его будущее и с радостью вступила бы на путь служения Будде.

Услышав это, генерал понял, что она не собирается покидать своё нынешнее жилище.

- Ты не можешь думать иначе, - сказал он. - Но нашему сыну всего лишь тринадцать лет, и хотя он ростом высок, душою прям, умён, в мире его ждет много трудностей. Я могу взять его в столицу и обеспечить ему службу во дворце государя, но кто же будет заботиться о нём? В нашем мире тот, у кого нет матери, погибший человек. Много лет назад единственного сына министра Тикагэ оклеветала мачеха, и он исчез, - до сих пор о нём ни слуху, ни духу⁴⁰. Ты перебралась сюда ради сына, не бросай же его и теперь, переезжай с ним в столицу.

Она всё не соглашалась, и генерал продолжал убеждать её:

- Если я возьму с собой одного только сына, а тебя оставлю здесь, то, беспокоясь о тебе, он всё время будет приходить сюда, и

не останется ни одного человека, который бы не знал, что ты живёшь в дупле. Если я оставлю вас здесь, то жить спокойно не смогу. До сего времени я не знал покоя, я всё время думал о вас. Помогите мне убедить вашу мать, - обратился он к сыну. - Всё это время я не заботился о вас и причинил вам страдания, но вины моей в этом нет: я следовал воле родителей. А сейчас твой черед показать, что ты почтительный сын. Уговори её уйти со мной.

Сын его был благодарен за такие речи. Оба они были его родителями, и к обоим он испытывал одинаковую любовь.

- В это страшное место ты перебралась, уступив моим, малого ребёнка, просьбам, и сейчас я прошу тебя переехать в столицу, - начал уговаривать он мать, а генерал в это время говорил:

- Если ты не хочешь жить под одной крышей со мной, я не буду приходить к тебе. Но отсюда ты должна уехать ради сына.

Когда она убедилась, что намерения его тверды, она подумала: "Действительно, разве не вслед за сыном пришла я в эти горы?"

Заметив, что женщина в нерешительности, генерал воскликнул:

- Если даже ты так и будешь твердить своё "нет", я всё равно заберу вас с собой!

Он поспешно вытащил из мешка приготовленную одежду, заставил их надеть её и всё поторапливал. Так она против воли покинула гору. Уходя, она спрятала в дупле те два котё, которые передал ей перед смертью её отец.

Генерал посадил женщину на лошадь. Сын его шёл сзади. Скоро они добрались до того места, где их ждали слуги. Там отец и сын сели на лошадей слуг, а слуги шли рядом с лошадью, на которой ехала женщина. Они ехали так всю долгую осеннюю ночь и на заре прибыли в дом на Третьем проспекте, который стоял к северу от Большого проспекта и на запад от канала. Сопровождавшим его слугам генерал сказал, чтобы они обо всём молчали.

- Если об этом кто-нибудь узнает, я вас обвиню в преступлении, - предостерег он.

Генерал сам повел мать с сыном в заранее приготовленное помещение. Никому о приезде знать не давали, и слуги масляных ламп не зажигали, - было темно, ничего не видно, но когда генерал сам открыл решетку и взглянул на женщину, у него от изумления перехватило дыхание. Дворец, отшлифованный как жемчужина, сверкал в свете осенней зари, но в этом дворце в простой одежде, без всяких украшений, худая женщина сияла такой несравненной

красотой, что он подумал: "Уж не небожительница ли это спустилась сюда?"

Сын тоже в простом охотничьем костюме выглядел блестяще.

Генерал думал, что за эти годы женщина, должно быть, ужасно подурнела, но она была столь ослепительно хороша, что ему стало стыдно за свои мысли. Он так пристально смотрел на неё и на сына, что она нарочно прошла в темную часть дома, и он последовал за ней.

- А ты ложись здесь. Ты, должно быть, хочешь спать, - сказал он, указывая сыну место возле экрана.

Но сын не мог спать. Он подошёл к решётке и стал рассматривать сад⁴¹.

Примечания

Перевод выполнен по тексту издания: "Нихон котэн бунгаку тайкэй", тт. 10-12.

1. Родоначальником рода Киёвара является принц Тонэри (677-735), сын императора Тэмму. Первые пять поколений Киёвара носили титул *оокими* (в нашем переводе "князь"). Киёвара в "Повести" должен быть четвёртым или пятым потомком принца.

2. Одно из корейских царств.

3. Система экзаменов была заимствована из Китая. Образование, ставившее целью формирование чиновничьего аппарата, было основано на изучении китайских классических книг и исторических сочинений. Молодые люди получали обычно образование в "университете" (Дайгакурё), сдав вступительные экзамены. Затем они должны были выдерживать экзамены на степень *сюнси* (кандидата) и *сюсай* (доктора), которые организовывались Палатой обрядов. Образование было долгим и обычно степень *сюсай* можно было получить только к сорока годам.

4. Обычно экзамены начинались рано утром и длились до вечера.

5. Последнее, пятнадцатое, посольство в Китай было отправлено в 838 г. В 894 г. японцы начали готовить шестнадцатое посольство, которое, однако, не было отправлено. В "Повести" речь идет, по-видимому, о посольстве 838 года.

6. Японские исследователи считают, что название Персия (Хасикоку) употреблено здесь ошибочно и что речь должна идти об Юго-Восточной Азии. Эта точка зрения основана на представлении, что рай Чистой земли, в преддверии которого Будда является Тосикагэ, находится в Индии. Нам кажется, что возможно иное объяснение. Следуя буддийской космологии, автор "Повести" располагает рай Чистой земли на запад от земного мира, что следует из многочисленных указаний в тексте. Он должен был выбрать совершенно сознательно одну из самых западных стран тогдашней географии - Персию, как начальную точку путешествия Тосикагэ далее на запад.

7. Каннон - олицетворение милосердия, один из самых популярных бодхисаттв в Китае и Японии.

8. Здесь в оригинале следует: "Объяснение к иллюстрации: сидят три человека и играют на кото". Предполагается, что первоначально свитки "Повести" были украшены иллюстрациями, подписи к которым сохранились в дошедших до нашего времени текстах. Мы оставляем эти объяснения без перевода.

9. 1 *дзэ* равняется приблизительно 3 м.

10. Демоны, обитатели ада.

11. Т. е., когда родители умерли. Это место в оригинале неясно.

12. Небо Торитэн - одно из шести небес (второе снизу) буддийской космологии, рай бога Индры.

13. Звезда Вега (Танабата).

14. Полдень.

15. Названия этих кото, как и некоторых других, о которых говорится ниже, переводимы: нан-фу означает "южный ветер", хаси-фу - "ветер Персии". "Южный ветер" - название стихотворения, создание которого приписывается легендарному китайскому императору Шуню, в котором воспевается южный ветер, символ доброты и справедливости правителя или заботы родителей по отношению к детям. Во всех названиях кото "фу" пишется иероглифом "ветер". Существует, однако, точка зрения, что *фу* имеет значение *фури*, песни различных провинций, которые исполнялись перед императором и назвались *кунь-фури* (песни провинций).

16. Бодхисаттва Мондзю, воплощение высшей мудрости.

17. Четвёртое снизу небо буддийской космологии. Там жил Будда Шакьямуни до своего рождения среди людей. Там живёт бодхисаттва Мироку, Будда будущих времен.

18. До этого Будда оставался невидимым.

19. Это место неясно. Здесь, должно быть, или ошибка переписчика или это какие-нибудь буддийские термины, значение которых утрачено.

20. В оригинале здесь, по-видимому, пропуск. Далее лакуны отмечены отточием, специально не оговариваются.

21. Из дальнейшего ясно, однако, что Тосикагэ ничего не рассказал ни о кото, ни о музыке Чистой земли.

22. Могущественный дом Минамото состоял из нескольких родов, восходящих к различным принципам.

23. В тексте ничего не говорится о седьмом кото.

24. Музыкальные произведения эпохи Хэйан делились на "большие", "средние" и "малые". Предполагается, что эта классификация основана на количестве составляющих их частей.

25. *Наоси* - повседневное платье аристократов. Представителям самой высшей аристократии разрешалось являться в императорский дворец в этом платье. Выражение означает присвоение одного из трёх высших рангов.

26. Прическу *унаи* носили подростки в возрасте 13-14 лет.

27. Место в Киото на реке Камо.

28. Цитата из стихотворения Аривару-но Нарихира (Исэ-моногатари, N 81, Кокинсю, N 884): "Не успели ещё налюбоваться тобой, о луна, а ты уже прятаться хочешь. О, гребни тех гор, если бы вы, её не приняв, убежали!" (Перевод Н. И. Конрада).

29. Т. е., она забеременела.

30. Образ заимствован, по-видимому, из стихотворения Фудзивара-но Тосиюки: засыпая, он сразу же видит дорогу, которая ведёт его к любимой (Кокинсю, N 558).

31. При расставании влюбленные связывали друг другу шнуры нижнего платья (а не рукава), давая клятву, что не развяжут их до следующего свидания.

32. По-видимому, детское имя мальчика.

33. *То* равняется 18 литрам, *масу* - 1,8 литра.

34. Этот эпизод создан, по-видимому, по аналогии с историей Ван Сяна из царства Цзинь, одного из двадцати четырёх образцов сыновней добродетели. Ван Сян лёг на лёд, растопил его теплом своего тела и достал рыбу для мачехи.

35. По-видимому, аналогия с историей Мэн Цзуна из царства У, который разыскал в снегу побеги бамбука для больной матери.

36. Третья аналогия с образцами сыновней добродетели. Ян Сян из царства Лу бросился в пасть тигру вместо отца. Тигр был тронут и оставил обоим жизнь.

37. 1 *те* равен приблизительно одному гектару.

38. Гора, на которой жил Шакьямуни, предаваясь аскезе.

39. Шкура, которую воины и всадники носили вокруг бёдер.

40. Этой истории посвящена вторая глава "Повести", "Тадакосо".

41. Заключительная часть главы, оставленная нами без перевода, представляет собой связку к остальным частям произведения. Сын генерала Канэмаса получает взрослое имя, Накатада; завершает образование, получает доступ во дворец и становится одним из самых блестящих молодых людей столицы. Канэмаса, забыв других жен, проводит всё время с дочерью Тосикагэ. Завершается глава описанием пира, устроенного Канэмаса.

Перевод и комментарий В. И. Сисаури.

源氏物語以前，物語文學に一番重なる作品である宇津保物語の文學性を求めている。その内容は三部に分かれます。ここで發表されているのはその第一部です。

宇津保物語の研究者である V.シサウーリ氏は宇津保物語の文學的な美質を高く評價してこの作品の物語文學あての影響とこの作品の内容にもづいて平安時代の音樂の役割をさしている。

宇津保物語の一部の魯西亞語翻譯は初めて印刷されています。